СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.
АЛЕКСѢЙ КОКОТОВЪ.

АЛЕКСѢЙ КОКОТОВЪ.

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.

(ИЗЪ ТРЕХЪ КНИГЪ, 1985–2025.)

RUINAISSANCE

2025.

АЛЕКСѢЙ КОКОТОВЪ.

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.

(Изъ трехъ книгъ, 1985–2025.)

RUINAISSANCE

Москва.
2025.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6
К59

Кокотовъ, А. Ю.
К59 Собраніе стиховъ. Изъ трехъ книгъ, 1985–2025. /
Алексѣй Юрьевичъ Кокотовъ. — М. : Ruinaissance, 2025. —
168 с. — (Поэтическая библіотека).

ISBN 978-5-6053971-3-7

Собраніе оригинальныхъ стихотвореній петербургскаго поэта Алексѣя Юрьевича Кокотова (род. 1965), извѣстнаго еще въ качествѣ переводчика (три крупнѣйшія работы: обширный корпусъ стиховъ Валери, четыре книги одъ Горація, «Западно-восточный диванъ» Гете), автора статей о литературѣ и эпиграмматиста.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-6053971-3-7

© А. Ю. Кокотовъ, 1985-2025
© Издательство Ruinaissance, 2025

Отъ автора.

Это собраніе составляютъ оригинальныя стихотворенія, взятыя изъ книгъ «Надъ чернымъ зеркаломъ» и «Паскалевы заботы», а также небольшая новая книга «Ветхій сонъ». Слово «оригинальныя» означаетъ здѣсь «формально не переводныя», т. е. в сущности, какъ и всякая формальность, не означаетъ ничего. Ничто изъ того, что залетаетъ въ наши головы, намъ не принадлежитъ, но книга стиховъ не должна быть слишкомъ толстой, и другой выборъ врядъ ли будетъ осмысленнѣй.

Между самыми ранними и самыми послѣдними стихотвореніями — сорокъ лѣтъ, и мнѣ хочется вѣрить, что гдѣ-то на пути отъ очевидно несовершеннаго изобилія къ куда болѣе строгой къ себѣ изсыхающей скупости найдутся если не шесть-восемь стихотвореній, о которыхъ говорилъ лучшій нѣмецкій поэтъ прошлаго столѣтія (*keiner auch der großen Lyriker unserer Zeit hat mehr als sechs bis acht vollendete Gedichte hinterlassen*), то хотя бы одно или два.

При подготовкѣ книги неоцѣнимую редакторскую помощь оказалъ мнѣ Артемій Ильичъ Ноготковъ, отъ души его здѣсь благодарю.

НАДЪ ЧЕРНЫМЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

(1985–2001.)

ДВѢ РАННІЯ ПОЭМЫ.

Кавказскія строфы.

I.

Шатъ-гора стоитъ все тамъ же,
Тотъ же небосклонъ надъ ней,
Лунный дискъ опять оранжевъ,
И ему тринадцать дней.
Развѣ апельсинъ онъ? — Пепломъ
Всѣхъ земныхъ вѣковъ покрытъ,
На Кавказѣ нынче пекло,
От крови хребты мокры.
Красный отражаетъ въ сѣромъ
Трижды проклятый цитр*у*съ*),
Еле брезжитъ, лжетъ не въ мѣру,
И невѣрные размѣры
Получаютъ левъ и трусъ.
Тяжекъ ночью смерти грузъ.

*) Произношеніе на французскій манеръ — необъяснимая причуда автора.

II.

Для тебя я, въ это лѣто
(Снова полное угрозъ —
Стихъ гусара и поэта
За полвѣка въ землю вросъ),
Пусть желанье и нелѣпо,
Пусть надменный слышенъ смѣхъ,
Дѣлаю на память слѣпокъ
Съ этихъ горъ, видавшихъ всѣхъ ...
Онъ тѣсниной шелъ Дарьяла,
За оказіей, въ Тифлисъ,
Съ нимъ и я ... да жди обвала,
Тутъ лавина, смявъ бахвала,
По заслугѣ скинетъ внизъ.
Что, поэма, поплелись?

III.

Но! Пошла! И я проснулся
(Спи, читатель, дальше спи),
Встрепенулся, оглянулся,
Ахнулъ — посреди степи ...
— Что? (Не нарушая лѣни,
Спросишь ты, о критикъ мой)
Горы? Тоже мнѣ, Оленинъ,
Кстати, раннею весной
Было то, а ты о лѣтѣ
Собирался говорить,
О какомъ-то тамъ поэтѣ ...
— Долженъ я тебѣ замѣтить,
Что ты рвешь разсказа нить.
Продолжаю, такъ и быть.

IV.

Встрепенулся, оглянулся —
Не увидѣлъ ничего.
Дождь. Туманъ земли коснулся.
Дьяволъ! Что за колдовство!
Я летѣлъ сюда съ надеждой
(И меня влечетъ хорей,
Гдѣ я слышалъ это прежде? —
Свѣтъ горячій, грѣй же, грѣй!),
Что, какъ только приземлюсь я,
Міръ запахнетъ новизной,
Ждалъ побѣдъ, немного труся, —
Пѣною на сладкомъ муссѣ
Сразу планъ накрылся мой.
(Пѣнѣ той Верленъ*) виной.)

*) Несообразность: у Верлена мохъ, а не муссъ: Un frisson d'eau sur de la mousse!

V.

Ѣдемъ дальше? Да, пожалуй.
Фары раздвигаютъ тьму,
Чтобъ она не помѣшала
Течь разсказу моему.
Ночь почти безъ сна. И утро
На скамьѣ, среди вещей,
Въ позѣ — что тамъ Камасутра,
Какъ на жердочкѣ Кощей!
Но уже усталъ автобусъ
Ждать попутчиковъ. Впередъ!
Двигая кавказскій опусъ,
Я вращаю синій глобусъ,
Птицу мысли рѣжу влетъ,
И дивуется народъ.

VI.

Стой, тутъ нужно отступленье.
— Какъ, опять? Въ который разъ,
Только приступивши къ пѣнью,
Оборвалъ, мороча насъ.
— О строфѣ, — Не хватитъ нервовъ!
— Строкъ — четырнадцать, — Старо!
— Два четверостишья первыхъ.
Чтобы разогнать перо.
Шесть же строкъ ... — Какъ разъ топиться!
Тянутъ жернова на дно
Рѵѳмъ тройныхъ. Какъ могъ рѣшиться?
И въ кошмарѣ не приснится!
— Пусть! Но съ ними заодно
Уплыву я все равно!

VII.

Вотъ Баксанъ. Теченье быстро.
Внизъ ему, а намъ наверхъ.
Вотъ баранъ стоитъ пушистый
Съ умной мыслью въ головѣ.
Вотъ красавица балкарка
Въ бѣломъ платьѣ, видномъ всѣмъ.
Ты мнѣ нравишься, дикарка.
Вотъ пропала насовсѣмъ.
Скачутъ съ берега на берегъ
Провода, столбы опоръ,
Скачетъ бурный дикій Терекъ,
Тьфу, Баксанъ! Но тожъ холерикъ,
Катитъ къ морю всякій соръ
Отъ подножій бѣлыхъ горъ.

VIII.

Все, доѣхалъ! Дождикъ мелкій,
Зонтъ, раскрытый второпяхъ,
Одѣяла и тарелки —
Скукой вѣетъ въ тѣхъ степяхъ.
Впрочемъ, есть и развлеченья —
По дорогѣ вверхъ гулять,
Рѣчки бурному теченью
Сквозь туманъ съ моста внимать,
Слушать переборъ гитарный,
А неплохъ, ей-Богу, бардъ! —
Текстъ кошерный, нѣтъ, кошмарный,
Мелосъ лагерный, поднарный —
Въ немъ кошачій длится мартъ,
Карты, юшка, ножикъ, фартъ.

IX.

Знали мы пѣвцовъ со славой.
Помнишь, съ голой головой,
Рвалъ рубаху басъ гнусавый —
Я, ребята, въ доску свой.
Рядомъ теноръ сладковатый,
Онъ утонченъ, намъ не братъ,
Он торгуетъ сладкой ватой
И собою — «Ахъ, Арбатъ!»
Впрочемъ, что я обозлился?
Былъ вокругъ народъ простой,
Я и самъ съ нимъ тотчасъ слился,
Хоть и слуха не лишился,
Пѣлъ, и ноты пѣсни той
Не блистали чистотой.

X.

Кстати, если о тарелкахъ —
Рядомъ щи хлебалъ чеченъ.
Сколькихъ вышибъ въ перестрѣлкѣ?
Иль попался, хищникъ, въ плѣнъ?
Лѣтъ одиннадцать минуло
Съ той поры, кто бъ загадалъ?
Дверь открылъ, вошелъ со стуломъ,
Послѣ ложку передалъ.
Ахъ, любилъ я Пастернака
(Въ щахъ укропъ предпочиталъ),
За него кидался въ драку.
А сейчасъ забылъ. Однако
Врать, пожалуй, я усталъ.
Да и дождикъ пересталъ.

XI.

Мы на жердочкѣ сидѣли,
Говоря о томъ, о семъ,
Вродѣ о какомъ-то дѣлѣ ...
Вотъ сейчасъ, постой, вздохнемъ ...
Что-то дѣвушка сказала,
Чуть манерно, такъ, слегка,
Что-то слуху помѣшало,
Словно горсточку песка
Кинула судьба въ окошко
(Клялъ ее и былъ не правъ! —
Пусто было, глянь въ лукошко,
Есть на донышкѣ немножко,
Что ругать, не разобравъ),
Музу звали — Муза Графъ.

XII.

Нѣтъ, постой съ консерваторкой
Взбалмошной, не напирай,
Бунинъ ни при чемъ здѣсь, зорко
Въ имя глянь — увидишь рай.
Пусть звучитъ немного грубо
Для иныхъ лутавръ раскатъ,
Но сыграютъ тему трубы,
Скрипки, флейты, и тоска
Вдругъ отступитъ, и увижу
Снова снѣжные хребты,
На коврѣ изъ хвои рыжей
Дремлетъ лѣсъ, еще поближе —
Выступятъ изъ темноты
Двѣ фигурки — я и ты.

XIII.

Волейболъ. Мы въ мячъ играемъ.
Рай для Сирина. А мнѣ
Лишь мученье. Я у края,
Подаю. И какъ во снѣ:
Разъ! Ударъ! Точна подача.
Нѣтъ, никто ея не взялъ.
Два! Другая! Вновь удача.
Лучше и сыграть нельзя.
Ты смотрѣла. Вдохновенье
Въ первый разъ меня вело.
Жаль, что только на мгновенье
Это недоразумѣнье.
Мнѣ случайно повезло.
То судьба смѣялась зло.

XIV.

Мы выходимъ до разсвѣта.
Въ сумракѣ еще ночномъ,
Очертанія предметовъ
Продолжающимся сномъ
Кажутся, чуть-чуть пугая.
Мы бредемъ себѣ гуськомъ.
Видишь, звѣздочка мигаетъ.
Вотъ — скатилась кувыркомъ.
Сколько разъ вдыхалъ желѣзный
Этотъ воздухъ я въ ночи,
Проходя подъ звѣздной бездной,
Съ целью странной, безполезной,
О которой ... Замолчи.
Вотъ пенсне, а вотъ ключи.

XV.

Постепенно наполнялся
Звуками притихшій лѣсъ.
Свѣтъ сквозь вѣтви пробивался,
Утро «брало перевѣсъ».
Кто переложилъ сонеты
Столь нелѣпымъ языкомъ?
Все! Клянусь лучомъ разсвѣта:
Никогда и ни о комъ
Я не вспомню въ этихъ строфахъ,
Даже тѣнь ихъ изгоню.
Хоть писали и неплохо,
Пусть живутъ въ своихъ эпохахъ.
Прижиматься къ ихъ огню
Глупо по сто разъ на дню.

XVI.

Все ущелье на ладони.
Широко глаза открывъ,
Я сижу, какъ богъ, на тронѣ.
Тронъ — валунъ. Внизу — обрывъ.
Выше чуть — ледникъ стекаетъ,
Какъ стекло съ гранитныхъ плитъ,
Вдалекѣ Эльбрусъ сверкаетъ.
Небывалый свѣтъ разлитъ
Надъ вершиною двуглавой,
Скрывшей пламя толщей льда,
За собой оставивъ право
Плюнуть раскаленной лавой
На больные города
И смести ихъ навсегда!

XVII.

Вечеръ. Тихо по ущелью
Поднимается туманъ.
Наверху царитъ веселье.
Смѣха, шутокъ полонъ станъ
Смѣлыхъ воиновъ, взошедшихъ
Утромъ прямо подъ ледникъ.
Рѣчка катитъ сумасшедше,
Заглушая дальній крикъ.
Гдѣ ты? Къ берегу спустилась?
Охъ! И рѣчки не видать!
Мгла надъ ней внизу сгустилась.
Все ущелье тьмой покрылось.
Гдѣ теперь тебя искать?
Что жъ, осталось только ждать.

XVIII.

Межъ камней костры разложимъ.
Далеко видны огни.
Мы готовы, мы поможемъ!
Ну-ка голову пригни —
Въ лѣсъ нырнемъ и тропкой узкой
Сбоку кручу обѣжимъ,
Скачущимъ неровнымъ спускомъ,
То знакомымъ, то чужимъ.
Вотъ просвѣтъ — къ нему прыжками.
Чертъ! Не видно вновь ни зги.
Шарю впереди руками:
Это — вѣтка, это — камень.
Боже, сдѣлать помоги
Внизъ послѣдніе шаги!

XIX.

Берегъ пустъ. Была. Исчезла.
Міръ теперь ненаселенъ.
Нѣтъ, давай разсудимъ трезво.
Гдѣ она? Ах, будь уменъ —
Знать, въ туманѣ заплутала,
Ошибившися тропой.
Въ скалы бьетъ водою талой
Рѣчка въ ярости слѣпой.
Чуть оступишься — и гдѣ ты?
Мысли скачутъ. Страхъ сильнѣй.
Что-то зрѣетъ. По примѣтамъ
Струны важныя задѣты
Тамъ, въ ночи. Все то же въ ней.
Только стало холоднѣй.

XX.

Сномъ тяжелымъ и неяснымъ
Громоздятся горы льда.
Въ мірѣ тѣсно и опасно.
Но туманъ ушелъ. Звѣзда
Показалась въ небѣ черномъ,
А за нею сто другихъ.
Въ мірѣ сдѣлалось просторно.
Онъ спокоенъ, ясенъ, тихъ.
Возвратилась. Все на мѣстѣ.
Смотрятъ внизъ Мицаръ, Алькоръ.
Конь и всадникъ снова вмѣстѣ,
Принесли они извѣстье,
Прискакавъ во весь опоръ:
Все иное съ этихъ поръ!

XXI.

Той холодной ночью долго
Я заснуть не могъ. Смотрѣлъ
На движенье звѣздной Волги,
На паденье синихъ стрѣлъ.
Съ юга чернымъ силуэтомъ
Закрывали небосклонъ
Горы снѣжныя. Поэты
Горы словъ со всѣхъ сторонъ
Присылали. Вереницу
Перебралъ я голосовъ.
Валаамова ослица,
Нѣмъ я былъ. Но все жъ зѣницы
Не смыкалъ я. И засовъ
Палъ подъ утро, въ пять часовъ.

XXII.

Все теряя, выцвѣтаетъ
Память. Я иду впередъ.
Прошлое тихонько таетъ,
Вотъ уже и твой чередъ.
А когда-то ... У вокзала
Паровозный сладкій дымъ
Чуть почувствую, бывало, —
Той же ночью вслѣдъ за нимъ
Уношуся. Нѣтъ, не въ горы —
Въ равнодушную Москву.
Тамъ вели мы разговоры.
И молчали коридоры,
Много послѣ (mentez-vous?)
Видѣнные наяву.

XXIII.

Vous, конечно. Здѣсь заминка,
Я сторонникъ простоты,
Но купила Метерлинка,
Къ моему смущенью, ты.
Былъ въ селеніи Тырнаузъ
Магазинчикъ славный. Тамъ
Я нашелъ собранье паузъ,
Нотъ и лигъ. По волосамъ
Странный холодъ пробѣгаетъ
Каждый разъ, когда рука
Ходъ въ октаву повторяетъ
Съ ре на ре*). Иль отъѣзжаетъ
Младшій†) Бахъ, навѣрняка
Не любившій старика.

---

*) Въ началѣ концерта Марчелло.

†) Одна изъ многихъ несообразностей. Capriccio sopra la lontananza de il fratro dilettissimo (BWV 992) написано на отъѣздъ старшаго брата Баха, Іоганна Кристофа.

XXIV.

Видишь домъ въ лѣсу? Былъ розовъ
Крашеный его фасадъ.
Проносились мимо грозы
Въ гости къ сванамъ и назадъ.
Къ сванамъ, я сказалъ, не къ Свану,
Что грозѣ астматикъ Прустъ?
Было въ домѣ фортепьяно,
А теперь онъ, бѣдный, пустъ.
Ходъ прогресса незатѣйливъ,
Примириться надо съ нимъ.
Не сыграть ужъ мнѣ Вентейля
Въ домѣ, гдѣ теперь коктейли
Разливаетъ караимъ.
Все жъ у двери постоимъ.

XXV.

Потерялась нить разсказа.
Что вдали? Проходъ? Стѣна?
Гдѣ мы? Надо всемъ Кавказомъ
Облачная пелена.
Третьи сутки безъ просвѣта
Сыпетъ снѣгъ, и все сильнѣй.
Звукъ мотора слышенъ гдѣ-то.
Снова тихо. Нѣтъ огней.
Спичку ближе къ циферблату
Подношу. Который часъ?
Время дѣтское — девятый,
Все безмолвіемъ объято.
Огонекъ въ рукѣ погасъ.
Тьма охватываетъ насъ.

XXVI.

Катерпиллеръ съ мощнымъ ревомъ
По дорогѣ вверхъ спѣшитъ*).
Пропасть ночи чернымъ зѣвомъ
Распахнулась. Снѣгъ кишитъ
Въ струяхъ свѣта предъ машиной,
Зорко въ ночь глядитъ шоферъ.
Всѣ въ снѣгу молчатъ вершины,
Смерть заноситъ свой топоръ.
Оборвалось что-то жутко,
Молча катитъ страшный валъ.
Три секунды промежутка,
Лишь душа метнулась чутко,
Будто сверху кто позвалъ.
Тотчасъ все погребъ обвалъ.

*) Описываются реальныя событія на Баксанскомъ шоссѣ около поселка Тегенекли въ февралѣ 1993 года.

XXVII.

Сколько разъ ходилъ по грани,
Трижды чуть переступалъ.
Но звѣзда моихъ скитаній
Выручала, не пропалъ.
И, живымъ воображеньемъ
Обладая, до сихъ поръ
Вѣрю всѣмъ предупрежденьямъ
Разуму наперекоръ.
Смѣлость — вздоръ, не много стоитъ.
Умъ и опытъ — все не въ счетъ.
Чувство! — то одно, шестое.
Прочь декартовы устои!
Нечетъ вычисленъ. Анъ четъ!
И ошибка смерть влечетъ.

XXVIII.

Ужъ и косу заносила,
Тускло глядя изъ-подъ вѣкъ.
Но, подумавъ, отпустила
Погулять еще. Навѣкъ
Я запомню эти ночи:
Что бъ ни снилось, переходъ
Все одинъ лишь. Что короче
Неизбѣжной рѵѳмы *Tod*?
И со мной напоминанье:
Если въ полдень прикорну,
Просыпаюсь съ содроганьемъ,
Ощутивъ ея дыханье.
Будто въ пропасть загляну,
Отодвинувъ пелену.

XXIX.

Воздухъ легокъ. День сіяетъ.
Явь — какъ будто чудный сонъ.
Водопады разсыпаютъ
Серебро со всѣхъ сторонъ.
Скрыты брызгами, туманомъ,
Рушатся потоки съ горъ.
Какъ пахнетъ сейчасъ тимьяномъ,
Зазвучитъ шмелиный хоръ,
Стелющійся ровнымъ гудомъ,
Убаюкивая слухъ, —
Гудъ со мною, гудъ повсюду,
Свѣтитъ солнце — живъ я буду.
Вѣчность минула. Потухъ
Красный шаръ. Но живъ мой духъ!

XXX.

Внизъ, въ лощину, въ міръ растеній!
Травы вымахали въ ростъ
Человѣческій. Цвѣтенье
Въ серединѣ. Сколько звѣздъ
На кустахъ чертополоха!
Воздухъ сталъ тягучъ, какъ медъ.
Вотъ составъ послѣднихъ вздоховъ,
Будь он выбранъ напередъ.
Но тропинка прихотлива —
Встали заросли стѣной.
Напрямикъ, нетерпѣливо
Продеремся сквозь крапиву,
Жжетъ колѣни. Пусть. Не ной!
Бродъ спасетъ ихъ ледяной.

XXXI.

Серпантинъ! О, повороты,
Вы — колѣнямъ укоротъ.
И за поворотомъ сотымъ
Ждетъ сто первый поворотъ.
Разгонюсь я лишь и сразу —
Поворотъ, какъ анжамбманъ.
Поверну, и только газу
Прибавляю — вновь обманъ.
Дешевъ трюкъ. Отъ устъ Эола
Пухъ пустить куда труднѣй.
Какъ взлетѣть надъ гладью пола?
Сможешь? Нѣтъ? — Тогда тяжелый
Тюкъ тащи и много дней
По тропинкамъ средь камней.

XXXII.

Но дорога въ лѣсъ вступаетъ.
Стройный, хвойный, мачтовой,
Бѣлка къ реямъ вмигъ взлетаетъ,
Смотрит, вертитъ головой.
Долго, не мѣняя позы,
Замерѣвъ, за ней слѣжу.
Убѣдилась: нѣтъ угрозы.
Приспустилась. Развяжу
Свой мѣшокъ и съ бѣлкой-душкой
Подѣлюсь обѣдомъ я.
Съѣвъ изюминку и сушку,
Тотчасъ хитрая звѣрушка
Стрѣлкой рыжаго огня
Какъ припуститъ отъ меня!

XXXIII.

— На Кавказѣ мачтового
Лѣса вовсе не найдешь.
Бѣлка — вздоръ, и, право слово,
Съ лѣсомъ ты, пріятель, врешь!
— Грѣхъ какой — прикрасилъ сосны!
Буду врать я впереди
Много разъ еще, несносный
Критикъ мой — позорче бди!
— Да, наплелъ ужъ ты въ охотку,
Строфы въ возрастѣ Христа —
Все на томъ же мѣстѣ лодка.
Гдѣ сюжетъ и гдѣ красотка?
Аль кошелочка пуста?
Али совѣсть нечиста?

XXXIV.

— Ладно, подъ конецъ сюжетомъ
Развлеку. Пойдемъ на Шатъ!
До сихъ поръ еще поэты
Съ нимъ лишь издали грѣшатъ.
Молвилъ кто-то знаменитый:
«Онъ Казбеку будетъ кумъ»,
А другой сказалъ піита,
Что старикъ — рахатъ-лукумъ.
Что онъ есть на самомъ дѣлѣ,
Знаетъ, вѣрно, онъ одинъ —
Тьма и холодъ, вой мятели
Или пекло, коль нагрѣли
Склонъ лучи. Каковъ притинъ!
Въ сотни тысячъ десятинъ!

XXXV.

Выйдемъ въ три мы отъ пріюта,
Переночевавши въ немъ.
Если вѣтеръ будетъ лютымъ,
Сутки, можетъ, подождемъ.
Встали. Тихо. Ходомъ пѣшки
Шагъ за шагомъ, не спѣша,
Въ темнотѣ пошли по вѣшкамъ,
Колкимъ воздухомъ дыша.
Въ черной ямѣ за спиною
Гаснетъ слабый огонекъ.
Мы одни со тьмой ночною
Непроглядной, ледяною.
Путь опасенъ, путь далекъ.
— Ничего себѣ развлекъ!

XXXVI.

Нѣтъ ужъ, я внизу останусь,
Дальше ты иди одинъ.
— Лишнюю личину Янусъ
Сбросилъ прочь и сталъ единъ.
Руки липкія удушья
Съ горла радостно стряхну,
И отступитъ малодушье.
Съ облегченіемъ вздохну
И шагну съ весельемъ страннымъ,
Словно въ воду, въ темноту.
«Съ тьмой мы сродны. Цѣль желанна»,
— Повторяю неустанно,
Отъ усилій весь въ поту,
Набирая высоту.

XXXVII.

Путь несложный очень дологъ.
Надо лишь идти, терпѣть —
Лучшій случай звѣздный пологъ
Хорошенько разсмотрѣть.
Вотъ Дельфинъ, Кассіопея,
Лебедь (вѣтеръ поднялся),
Лира (вѣтеръ свирепѣетъ),
Яркой плошкою вися
Вровень съ нами, льетъ Венера
Золотисто-синій свѣтъ.
Вѣтеръ съ запада ... Холера,
Онъ приноситъ запахъ сѣры*).
Былъ въ аду, но не согрѣтъ.
Шелли зря онъ былъ воспѣтъ.

*) При восхожденіи на Эльбрусъ часто слышенъ запахъ сѣроводорода — признакъ скрытой вулканической дѣятельности.

XXXVIII.

Вотъ съ шипѣніемъ негромкимъ
Змѣи по льду поползли.
И пошла, пошла поземка,
Оторвалась отъ земли
И давай мести навстрѣчу,
Пробирая, леденя,
Тигромъ прыгая на плечи,
Чтобъ къ землѣ прижать меня.
Вздоръ! — Въ сравненіи съ лавиной
Это святочный разсказъ.
Вотъ разсвѣтъ. У сѣдловины,
Путь пройдя до половины,
Постоимъ. Внизу какъ разъ
Открывается Кавказъ.

XXXIX.

И отъ Цея до Далара
Видно все. Казбекъ вдали,
Башни Ушбы, гребень Шхары —
Въ облакахъ, какъ корабли.
Отчего вдругъ въ кровотокѣ
Забурлилъ англійскій хмель?
На алѣющемъ востокѣ
Брандеръ солнца сѣлъ на мель.
Духъ ли Фрешфильда навѣялъ
Эти строфы? — Нѣтъ, смѣлѣй.
Теркинъ? Нѣтъ. — Ахъ, я не смѣю,
Восемь главъ? Чего глупѣе:
Ямбомъ называть хорей.
Вспомнилъ! Это же «Reveille»![*)]

[*)] Еще одна несообразность. У Хаусмана, чьи строки «And the ship of sunrise burning // Strands upon the eastern rims» тутъ подразумѣваются, названіе стихотворенія читается, какъ rɪ'vælɪ; французское же слово réveil съ тѣмъ же значеніемъ пишется по-другому. Впрочемъ, ту же ошибку разъ допустили и англійскіе издатели, поставивъ тутъ несуществующее французское слово réveille, за что получили изрядную порцію насмѣшекъ отъ разгнѣваннаго автора.

XL.

Нѣтъ, не сплю я. Духъ бродяжій
Мнѣ давно уже знакомъ.
Но сложу свою поклажу,
Новымъ замысломъ влекомъ.
Широтою роковою
Опоясанъ шаръ земной,
Штормовой, сороковою,
Что крушеній всѣхъ виной.
Здѣсь разстанемся съ поэмой.
Навсегда ль? Сказать боюсь.
Пусть пока ихъ звуки нѣмы —
Ждутъ меня другія темы.
Можетъ быть, еще вернусь.
А пока — прощай, Эльбрусъ!

1985–1996.

Строфы Іоны, пророка изъ Гафхефера.

I.

Внизъ къ берегу, въ городъ портовый,
Катилась телѣжка съ уклона.
Бѣжать безоглядно готовый
Къ чертямъ на кулички Іона
Подумалъ: «Безъ Бога живи я,
Все было бы мнѣ посвободнѣй.
Зачѣмъ мнѣ идти въ Ниневію?
Забуду я Слово Господне».
Онъ правилъ телѣжкой совсѣмъ неумѣло,
А осликъ кричалъ, и телѣжка скрипѣла:
«Іона! Безумецъ! Безумецъ! Іона!»
Но скрипу телѣжки и воплямъ ослинымъ
Не внялъ онъ, охваченъ желаньемъ единымъ —
Укрыться отъ Бога за край небосклона.

II.

Іона отмѣнно безпеченъ.
На пристань! Погрузка въ разгарѣ.
— Идете въ Ѳарсисъ? — Въ этотъ вечеръ.
— А сколько возьмете? — Динарій,
Дешевле лишь входъ въ преисподню,
— Отвѣтилъ какъ будто съ усмѣшкой
Старикъ корабельщикъ со сходней.
— Плыву я! Не будемъ же мѣшкать!
Господь-Саваоѳъ не прощаетъ измѣны,
Отъ кары не скрыться за край ойкумены.
Съ чуть слышнымъ шипѣньемъ: «Несчастный!
Несчастный!»
Волна разбивалась о камни причала.
Она ужъ не разъ въ глубинѣ замѣчала
Того, съ кѣмъ столкнется бѣглецъ самовластный.

III.

Іона заснулъ безмятежно,
Лишь только отдали швартовы.
Валы, словно щепку, небрежно
Швыряли корабль трехмачтовый.
Ихъ буйное столпотворенье
Іону во снѣ увлекало
На самыя выси Творенья
И въ бездну затѣмъ опускало.
Такъ руки блуждаютъ по клавіатурѣ,
Прелюдія только — и море, и буря.
Но трубы органа дохнутъ ураганомъ,
Смѣшаются въ хаосѣ струны, кѵмвалы,
И поступью тяжкой девятаго вала
Войдетъ пассакалія Левіаѳана.

IV.

Вставай, незнакомецъ, мы тонемъ! —
Отчаянный крикъ капитана
Ворвался въ каюту къ Іонѣ
И дверь распахнулъ Урагану.
И тотчасъ бѣглецъ догадался,
Кто ждетъ его, стоя снаружи,
И какъ мотылекъ заметался,
Въ ловушкѣ себя обнаруживъ.
Но все же рѣшился — шатаясь со страху,
Поднялся на палубу, словно на плаху.
Тамъ, глядя въ морское разверстое лоно,
Толпились матросы. Гадали, въ сомнѣньѣ, —
Кто бурю накликалъ своимъ преступленьемъ?
И бросили жребій. Онъ палъ на Іону.

V.

И ринулись тутъ мореходы
Къ Іонѣ и справа и слѣва —
Скажи намъ, откуда ты родомъ?
И чѣмъ небеса ты прогнѣвалъ?
Несчастье несущій попутчикъ,
Какимъ ты отмѣченъ проклятьемъ?
Убійца ты или лазутчикъ?
Въ чемъ вѣра твоя и занятья?
— Я вѣрю въ создавшаго море и сушу,
Но дерзостно слово Его я нарушилъ.
Ослушаться вздумавъ приказа Господня,
Хотѣлъ убѣжать я отъ грознаго Лика.
— Ты злое несчастье, безумецъ, накликалъ!
Мы всѣ за тобою утонемъ сегодня!

VI.

— Меня одного утопите,
Всѣ бѣды тѣмъ самымъ разсѣявъ,
Но только скорѣй, не тяните!
— А какъ же законъ Моусеевъ?
Послѣдняго грѣшника даже
Губить мы напрасно не станемъ.
Сейчас мы на весла наляжемъ
И къ берегу Крита пристанемъ!
Взъярилася буря — упрямымъ все мало! —
И тотчасъ волною всѣ весла сломала.
И, участи худшей тогда избѣгая,
Матросы рѣшились — со страхомъ во взорѣ
Схватили Іону и бросили въ море,
На Господа грѣхъ этотъ перелагая.

. . . . . .

VII, VIII.

Со дна безконечной воронки
Сознанье его возвращалось.
Былъ посланъ лучъ свѣта вдогонку,
И небытіе освѣщалось.
Во тьмѣ проступали предметы,
Но зыбкія ихъ очертанья
Едва сохраняли примѣты
Оставленнаго міроздань я.
Вверху колыхались нависшіе своды,
Неясныя тѣни вели хороводы,
То стѣны сближались, то вновь расходились,
То вдругъ приплывали нѣмые уродцы,
Затѣмъ исчезали во мракѣ колодцевъ,
И только глаза ихъ оттуда свѣтились.

IX.

Былъ голосъ Іонѣ. Но слово
Господне отвергнулъ измѣнникъ —
И, спрятанный въ чревѣ китовомъ,
Ко дну отправляется плѣнникъ.
На волѣ, въ краю поднебесномъ,
И шорохомъ былъ онъ пугаемъ.
Во чревѣ и душно, и тѣсно,
Зато онъ тутъ — недосягаемъ.
Іона былъ толщею водной придавленъ,
И Богомъ, казалось, навѣки оставленъ.
Во тьмѣ и зловоньѣ Іона томится.
Іона, ты слышишь дыханье распада?
Китовое чрево — преддверіе ада.
Другому назначено глубже спуститься.

X.

Всѣ рыбы объяты тоскою.
Смущаютъ ихъ странные стоны.
Обвитый травою морскою,
Изъ бездны взываетъ Іона:
«Ты ввергъ меня въ эти глубины,
Текутъ надо мной Твои воды.
Навѣки Тобой я отринутъ.
Сомкнулись тяжелые своды.
У горъ основанья, подъ каменной твердью
Я вспомнилъ Тебя, и прошу милосердья.
Услышишь меня Ты изъ Горняго Града?
Спасенье мое у Тебя одного лишь,
Падетъ ли хоть волосъ, коль Ты не позволишь?
Ты выведешь душу из этого ада».

XI.

И съ вѣрой пришло избавленье,
И Богъ отпустилъ его душу.
И было Киту повелѣнье
Исторгнуть Іону на сушу.
И воды изъ Левіаѳана
Изверглись на горы Хеврона
И схлынули внизъ къ Іордану,
И вышелъ на волю Іона.
И сонъ охватилъ его въ рощѣ масличной,
И голосъ Господень онъ слышал вторично:
Пусть слово твое Ниневію остудитъ,
Иди, прокричи тамъ на стогнахъ и съ кровель:
«Сгущаются запахи гари и крови,
Двухъ лунъ не пройдетъ — Ниневіи не будетъ!»

. . . . . .

XII, XIII.

— Послушайте, сорокового
Никто не увидитъ заката, —
Съ опаской шепнулъ онъ, но Слово
Ударило съ силой набата.
— Опомнитесь, въ пропасть васъ тянетъ, —
И улицы вдругъ забурлили.
Повѣрили ниневитяне
И тотчасъ же постъ объявили.
Самъ царь Ниневіи одѣлся во врѣтье,
Въ надеждѣ отсрочить приходъ лихолѣтья.
Въ обѣщанный день Вседержитель, увидя,
Что городъ дрожитъ въ ожиданіи казни,
Что грѣшникъ послѣдній сталъ богобоязненъ,
Свою Ниневію ничѣмъ не обидѣлъ.

XIV.

Іона же, о посрамленьѣ
Пророчества все сокрушаясь,
Но Господа долготерпѣнье
Испытывать вновь — не рѣшаясь,
О смерти просилъ лишь. И снова,
Но съ силой удесятеренной
Просилъ, наподобье Іова.
Господь же сказалъ удивленно:
«Ужели тебя огорчаетъ такъ сильно,
Зачѣмъ не разрушилъ я городъ обильный?»
Іона отъ словъ этихъ плача все пуще,
Из города вышелъ дорогой восточной
И сѣлъ у арыка съ водою проточной,
Подъ сводомъ дырявымъ заброшенной кущи.

. . . . . .

Киты и пророчества — что за причуды!
Довольно! *Сейчасъ* совершается чудо.
Вот дерево выросло рядомъ съ Іоной.
Гляди! Зеленѣетъ прохладная крона.
Безумный! Увидѣть — и не удивиться.
Ты слышишь? Вверху заливаются птицы.
Ихъ гнѣзда укрылись отъ солнца вѣтвями,
Въ корѣ поселились жуки съ муравьями,
И даже уже подрались за личинку,
Но все жъ помирились, и тащатъ тычинку.
И бабочки пляшутъ, и пчелы летаютъ,
И съ тѣнями свѣтлыя пятна играютъ.
И счастье тогда охватило пророка.
Но Богъ если учитъ, то учитъ жестоко:

. . . . . .

Засохло! Засохло! Въ мгновеніе ока!
Господь же сказалъ въ завершенье урока:

XV.

Жалѣешь о деревѣ? Странно.
Твоими ль возникло трудами,
Красиво и благоуханно?
Съ нимъ жалостливъ, а съ городами?
Склонила покорную выю
Ассvріи гордой столица.
Рубить ли? Моя Ниневія,
Тебѣ ли съ пустынею слиться?
Скажи мнѣ, Іона, достойны ли гнѣва
И тѣ, кто не знаетъ, гдѣ право и лѣво? —
Сто тысячъ младенцевъ — ты слышишь ихъ крики?
Разрушу ли маленькій домикъ поэта?
Разрушу ли храмы, что камнемъ одѣты?
Іона! Не трону я городъ великій!

1994.

Примѣчаніе: *динарій, три мачты и арыкъ — на совѣсти автора; то же относится и къ ударенію въ имени Іова, противоречащему русской традиціи.*

* * *

Укрылись броней ледяною
И корни, и мохъ, и земля.
На лѣсъ наплывало стѣною
Безмолвіе. Не шевеля
Ни вѣткой, ни перышкомъ птичьимъ,
Все круче морозъ забиралъ.
Лѣсъ замеръ над зеркаломъ чернымъ
Въ зловѣщемъ, угрюмомъ величьѣ
Недвижимыхъ пикъ и забралъ.

Свѣтъ лунный, во льду отраженный,
Чуть видными бликами палъ
На камни, на стволъ обнаженный
И въ чащѣ ольховой пропалъ.
Зимой безпощадной, безснѣжной
Услышалъ я съ волчьей тоской,
Сколь тихо на брегѣ просторномъ,
Незнаемомъ и неизбѣжномъ,
За огненно-хладной рѣкой.

А эти мерцанья, шептанья,
Въ развѣянномъ утреннемъ снѣ,
А медленное созрѣванье
Жемчужины — тамъ, въ глубинѣ,
А зыбкое ... будто свѣченье
Еще не рожденныхъ стиховъ,
Откуда не знаешь ни слова,
А трель, что звучитъ въ удаленьѣ
Уже запредѣльныхъ верховъ?

Какъ холодно! Выйдя из лѣса,
Дорога восходитъ на холмъ.
Смотри, золотая завѣса
Колеблема призракомъ волнъ.
Тамъ вѣчность и сила сокрыты,
Далекому гулу внемли —
Тамъ души живутъ безъ покрова,
А персть не нужна и забыта
Подъ комьями мертвой земли.

* * *

Весь день лилъ дождь. Набухшій влагой лѣсъ
Не защищалъ уже своею ржавой крышей
Отъ струй воды. И вечеръ подходилъ. Ему наперерѣзъ
Изъ лѣса путникъ вышелъ.
Скатъ холма спускался къ озеру. За нимъ
Надъ низкимъ берегомъ и дальше, дальше къ небу,
Сливавшемуся потемнѣвшимъ краемъ съ окончаньемъ
Лѣса, блуждали волны изъ листвы и хвои.
Казалось, только озеромъ однимъ
И жилъ тревожный лѣсъ. И гдѣ-то въ сторонѣ былъ
Ненужный дождь. А озеро, въ молчаньѣ,
Тонуло въ сѣрой мглѣ. И вѣтеръ, воя,
Оплакивалъ его.
Постой! Постой! Опять одинъ я остаюсь во тьмѣ.
Что буду дѣлать я подъ этимъ мрачнымъ сводомъ
Беззвѣздной ночи? Развѣ ничего
Ты не оставишь мнѣ?
И, откликомъ природы,
Послѣдній лучъ
Пробрался краешкомъ нависшихъ черныхъ тучъ,
И осень вспыхнула. И путнику открылось,
Какъ озеро глубокой синевой
Ласкало лѣсъ, стоящій, самъ не свой,
Закрывъ глаза, какъ будто счастье снилось.

* * *

Волшебными мѣхами
Раздутый до небесъ,
Пожаръ идетъ верхами,
Горитъ сосновый лѣсъ.

Увидишь ты, мгновенно
Подъ соснами промчась,
Какъ необыкновенно
На свѣтѣ въ этотъ часъ

Усыпаны огнями
Древесные верхи,
Но тропы подъ вѣтвями
Прохладны и тихи.

Тебя огни не тронутъ,
Надъ головой пройдутъ.
То души мертвыхъ въ кронахъ
Свой хороводъ ведутъ.

И вѣщимъ сновидѣньемъ
Горитъ волшебный сводъ.
Сегодня пополненье
Встрѣчаетъ хороводъ.

* * *

Къ той золотинкѣ звѣздной пыли
Мгновенной ящеркой сверкни,
Потомъ помедленнѣй (проплыли
Ночныя облака, огни ...),
И буднично, обыкновенно,
Въ мой сонъ, какъ въ комнату, войдя
(Съ чуть слышнымъ шорохомъ застѣннымъ
Иль съ первымъ шелестомъ дождя),
И вставъ полуразмытой тѣнью,
Шепни, не подымая глазъ:
Ты вымолилъ свое прощенье
Въ послѣдній разъ.

* * *

Гдѣ душа въ этотъ мигъ? Все ли въ тѣлѣ живомъ?
Если такъ, что за лица во тьмѣ проплываютъ?
Я стою на пустынномъ мосту Биржевомъ,
Заглядѣвшись на окна трамвая.

Вотъ на Кронверкскій онъ или на острова
Повернетъ за мостомъ и уже безвозвратно
Растворится въ ночи, но вступаетъ въ права
Сновидѣнья законъ непонятный.

Озаренная комната тамъ, за стекломъ,
И веселыя — я ихъ и помню такими —
Двѣ семьи собрались за овальнымъ столомъ,
Дверь открою, войду — и я съ ними.

А для нихъ ни разсѣянья нѣтъ, ни потерь,
Гдѣ имъ знать, что во тьмѣ заоконной таится
И за мною ворвется сейчасъ въ эту дверь,
Если снящееся — вдругъ не снится.

Нѣтъ! Очнусь я, въ потемкахъ домой побреду
Вслѣдъ за тающими огоньками трамвая.
На порогѣ рукой по глазамъ проведу,
Ту же комнату не узнавая.

Вспыхнетъ свѣтъ. И, зачѣмъ-то къ окну подойдя,
Глядя въ ночь, я пойму и уже не забуду —
Отдѣленный стекломъ и завѣсой дождя,
Что-то зная, *онъ* смотритъ оттуда.

* * *

From low to high doth dissolution climb
And sinks from high to low ...
Wordsworth.

Распадъ все уравняетъ — горы и глубины,
Бормочетъ маятникъ — какъ тать въ нощи, какъ тать.
О время русское! Есть надъ твоей трясиной
Изъ двухъ соломинокъ таинственная гать —

Твой каждый мигъ, какъ шумъ отъ стаи журавлиной,
Оплакивать вослѣдъ и прошлаго искать.
Въ сомнѣньѣ — тѣ же ли шуршащія вершины?—
Близъ трехъ знакомыхъ сосенъ снова проскакать.

И въ час отчаянья, средь ночи безъ разсвѣта
Надежду сохранимъ. Забытаго сонета
Обѣтованьемъ вспыхнетъ краешекъ страны,

Куда войдемъ навѣкъ. И тѣни, молчаливо
Покрывшія весь міръ, не будутъ намъ страшны —
Уже мы далеко въ сіяніи разлива.

* * *

За далекимъ лѣсомъ,
За широким плесомъ,
Подъ шатромъ небеснымъ,
Надъ юдолью слезной,

Утромъ ли хрустальнымъ
Иль въ ночи безлунной,
Свѣтлый ли, печальный,
Духовой иль струнный,

Или просто голосъ
Надъ моей могилой,
Подъ ольхою голой —
Вотъ и я, мой милый,

Я тебя услышу,
Полыхнетъ зарница,
Ливень смочитъ крышу
И пригнетъ пшеницу,

Будетъ въ каждой каплѣ
Образъ твой, вкрапленный
Золотою цаплей
Въ небосклонъ червленый.

* * *

Уходитъ прочь послѣдній день зимы.
Все ярче свѣтятъ звѣзды Оріона,
И Сиріусъ у края небосклона
Уже поднялся изъ восточной тьмы.

Вольно жъ ему. Но не свободны мы.
Весной сильнѣй къ себѣ насъ тянетъ лоно
Земли-Деметры и земли-тюрьмы.
Рожденный смертенъ. Нѣтъ вѣрнѣй закона.

Я Кай, я человѣкъ. И я живу.
Но смысла мало въ плоскомъ ѕѵллогизмѣ.
Я этой ночью грежу наяву.

Себя я вижу словно въ чудной призмѣ —
Душа лучится, нѣтъ на ней пеленъ,
И каждый лучъ въ безсмертье устремленъ!

* * *

I.

Твой поѣздъ отошелъ. Четыре огонька,
Растаявъ въ лѣтнихъ сумеркахъ, уплыли.
Вновь забурлила пестрая рѣка
Людскихъ головъ, вещей, вокзальной пыли.

Пловецъ изъ худшихъ, ей наперекоръ
Задумавъ плыть, стоитъ въ недоумѣньѣ:
Вѣдь коль въ любви — неслыханный просторъ,
То, значитъ, разставанье — заточенье.

И онъ отнынѣ узникъ, не пловецъ.
Осмысливая это превращенье,
Вокзалъ гудѣлъ, какъ улей. Наконецъ

На улицѣ включили освѣщенье.
И новый свѣтъ сказалъ: молчи, душа, молчи!
Недолго ждать, уже гремятъ ключи.

II.

Хотя въ твоихъ глазахъ горитъ печальный свѣтъ,
И вѣтеръ октября, еще листву терзая,
Уже сдуваетъ снѣгъ, но бирюзовый цвѣтъ
Высокихъ куполовъ и пери вмѣстѣ съ раемъ

Во мнѣ все живы ... Боже правый, нѣтъ,
Я ворожу, разлукъ не предрекая!
Пусть время года — инструментъ. Квартетъ
Въ альтѣ осеннемъ вѣрность обрѣтаетъ.

. . . . . .

Еще другой строки начало не родилось,
Но ты уже мнѣ вмѣстѣ съ ней приснилась —
Чѣмъ глубже осень, тѣмъ свѣтлѣе сны ...

Мы въ четырехъ стѣнахъ, и стонетъ въ полѣ вьюга.
Я знаю: стѣны намъ покажутся тѣсны,
Но даже выйдя въ ночь, и въ ней найдемъ другъ друга.

III.

Вновь солнце показалось послѣ зимней спячки,
И близко ужъ просторная весна,
И скоро станетъ комната тѣсна
Надеждамъ, сборамъ, спорамъ, ихъ горячкѣ ...

Нѣтъ, нѣтъ! Теперь ужъ все иначе,
Какъ снѣга пластъ обрушился съ вѣтвей —
Легко и страшно стало. Бьется память, плачетъ,
Замки крѣпки у запертыхъ дверей.

— Безумная, оставь, зачѣмъ онъ, прочь скорѣй
Отъ міра прошлаго, он ничего не значитъ ...
Не слушаетъ, и плечики дрожатъ ...

— На полѣ томъ давно послѣдній колосъ сжатъ,
Сейчасъ пахнетъ весной, цвѣтеньемъ, окна распахни ...
Но тамъ морозъ одинъ. И пусты наши дни.

* * *

Илья-пророкъ, подъ вечеръ бороздя
Повозкой небо, мѣтилъ въ насъ октавой,
Гроза надъ нами шелестомъ дождя
Накрыла домъ, весь городъ многоглавый,
И пьяныхъ молній шествіе, бредя,
То слѣва объявлялось вдругъ, то справа,
И громъ, гремя, былъ какъ разрывъ холста,
Что теменъ, старъ, и даль за нимъ чиста.

Гроза прошла. Утихнулъ буйный духъ.
Ночь бѣлая другихъ ночей дремотнѣй.
Сегодня снова тополиный пухъ
Взмываетъ въ небо, кружитъ въ подворотнѣ.
И вслѣдъ за нимъ опоры ищетъ слухъ —
Вверху, внизу. А музыка не глохнетъ.
И наполняютъ землю голоса,
И сотканы изъ звуковъ небеса.

* * *

Сырой туманъ сгустился къ Рождеству,
Укрыты ясли млечнымъ покрываломъ.
И снѣгъ, растаявъ, прѣлую листву
Вдругъ обнажилъ. Зимы какъ не бывало.

Пусть будущее сродно божеству,
Пусть ихъ рожденью явность не пристала,
Но пелена съ прозрѣвшихъ глазъ упала,
И прошлое я вижу наяву.

И ты опять стоишь передо мною,
И у меня кружится голова
Предъ новой, небывалой высотою,

А надъ тобой лучится синева,
И я тебя на этомъ свѣтѣ стою,
И нахожу я лучшія слова.

* * *

Ахъ, вотъ какъ, и вы въ той странѣ побывали,
Когда до захода остался лишь мигъ,
И въ лавкѣ старьевщика, въ пыльномъ развалѣ
Напали на розсыпь чудеснѣйшихъ книгъ.

Вы клинопись хрупкихъ дощечекъ читали
И трогали нити съ буграми узловъ,
Папvрусъ держали, гдѣ птицы въ запалѣ
Сплясали канканъ Шампольону назло.

Мертвы эти знаки, какъ смысломъ облечь ихъ?
А вамъ всѣ темноты ясны въ языкахъ.
Но солнце спѣшило. Былъ коротокъ вечеръ.
Одна за одной книги меркли въ рукахъ.

Ахъ, нелюбопытны мы, что намъ до майя?
Ушло навсегда, что и тѣмъ только снилось.
Въ строкѣ безъ пробѣловъ мелькнуло, сверкая:
«А древо съ тугою къ земли преклонилось».

Я знаю: стемнѣло. Ужель обитаютъ
Всѣ эти видѣнья — за краемъ земного,
И все еще въ дальнихъ туманахъ витаетъ
Тотъ сонъ, гдѣ явилось намъ Первое Слово?

А можетъ, и этотъ еще намъ приснится,
Увидимъ, завѣтную грань перейдя,
Какъ въ небѣ надъ степью бушуютъ зарницы,
И стрѣлы пронзаютъ завѣсу дождя.

РУССКІЙ КВАДРАТЪ.

I.

Какъ гнететъ слѣпота небосклона,
Инструментомъ чудеснаго тона
Человѣкъ лишь подъ синью звучитъ,
Въ непогоду и флейта урчитъ
Столь фальшиво, невѣрно, утробно,
Списокъ бѣдъ составляя подробный,
Что и смерть, эти звуки губя,
Только дальше запрячетъ тебя.
Вмѣстѣ съ ней опускаясь въ загробный
Міръ безцвѣтный, беззвучный, беззлобный,
Не услышишь ни флейты, ни стона
Разставанія ясеня съ кроной.
Подъ корой та душа опочитъ,
Что въ сліяньѣ съ окрайной молчитъ.
Молча жить не желая, трубя
О морокѣ, погубимъ себя.

II.

А весна — она будетъ лишь завтра,
Нынче — выстрѣлъ безумнаго Крафта,
Не увидишь родного ландшафта,
Въ воды смерти вступивъ акванавтомъ.
Міръ, исчезнувъ въ туманѣ и дымѣ,
Тайнъ не выдастъ устами нѣмыми.
Небо тучами скрыто слѣпыми,
И глазницами смотритъ пустыми
Черепъ нѣмца, и дырки зіянье
Означаетъ нѣмое сліянье
Въ этомъ черномъ глубокомъ молчаньѣ
Тайны тихой презрѣвшихъ сіянье ...
Подъ корой я все живъ, подъ корою!
Гдѣ во имя мое встанутъ трое,
Ледъ разбивъ, имъ явлюсь и открою
Смыслъ искусства и міръ въ вѣчном строѣ!

III.

Ну а тѣмъ, неземнымъ, беззаконнымъ,
Неприкаянным и обреченнымъ,
Тѣмъ, покинутымъ, сладость явленья
Не узнавшимъ — стихамъ нерожденнымъ,
Имъ метаться во тьмѣ средостѣнья,
Не пробиться созвучьямъ сквозь тлѣнье,
Темѣ смерти въ тональности черной
Переходъ запрещенъ въ просвѣтлѣнье.
Гдѣ-то звуки весенняго горна,
Гдѣ-то тамъ, подо льдами, упорно
Стѣну точитъ живая вода,
И пробьетъ и польетъ животворно,
И по-новому вспыхнетъ звѣзда,
Но другіе воспрянутъ тогда.
Ключъ потерянъ. Забытъ заключенный.
Къ бытію путь закрытъ навсегда!

IV.

Вотъ нависъ надъ страной бездыханной,
Валомъ дроби взнесенъ барабанной
Маршъ разумныхъ, свободныхъ, нашедшихъ
Путь въ туманѣ средь безднъ сумасшедшихъ,
И идущихъ дорогою странной,
Расширяющейся неустанно,
Гдѣ-то въ темномъ далекомъ прошедшемъ
Потерявшихъ собратьевъ, забредшихъ
Въ тотъ же край, но съ другой стороны.
Смертью дышатъ и смертью полны
Эти толпы, хоть долги ихъ сроки,
Ихъ пророки, навѣрно, честны,
А другіе во тьмѣ одиноки,
Но горящія свѣтятся строки,
И сбываются вѣщіе сны.
Къ небу пламя встаетъ на Востокѣ.

Заносчивые ямбы.

Оставь, не тронь пустой страницы,
Ты будешь смятъ въ стремнинѣ словъ
Сопротивленіемъ традицій,
Чужихъ ночей, чужихъ головъ.

Въ четырехстопномъ ямбѣ стертомъ
Какихъ еще открытій ждать?
И рѵѳму на стопѣ четвертой
Легко на первой угадать.

И долго, долго — сладокъ, вкрадчивъ —
Могъ голосокъ еще шептать.
Но я сказалъ — уйди, отгадчикъ,
Не постыжаетъ благодать.

Не въ прихотливости стеченій
Ищу посыловъ и опоръ,
Не мнимостью иныхъ значеній
Я распаляю свой задоръ —

Но звукомъ, средь строфы распятымъ,
Гдѣ пара рѵѳмъ, какъ пара рукъ,
Я откликаюсь, чуткій атомъ,
На дальній рокотъ звѣздныхъ мукъ.

* * *

Прозрачны трели и воздушны
Запинки паузъ ... Налегкѣ
Пойдемъ за музыкой, послушны
Себастіановой рукѣ.
Когда бъ мы вѣрили такъ дѣтски
(Вѣдь — *если бъ мы не дѣти были* —
Двойной ошибки грузъ. Забыли
Англійскій, гдѣ ужъ тамъ нѣмецкій),
Тогда бы лѣсъ темнѣйшихъ правилъ
Наслѣдуемости голосовъ
(Слѣдовъ чужихъ? — Лови! — Заставилъ
Звучать, и — съ горки колесо?)
Недосягаемая легкость,
Свобода рукъ, свобода плечъ —
(Тутъ краска зависти поблекла,
Что жъ нетерпѣніе беречь?)
Все стало бъ ясно. На ладони
Узоръ причудливъ у Творца.
Читай. Слѣди, куда Онъ клонитъ.
И не угадывай конца.

* * *

Когда поймемъ мы смыслы разстояній?
Тревожимъ приближеніемъ своимъ
Обманный міръ прекрасныхъ изваяній,
Извѣрились — покровъ ему кроимъ,
Въ-сердцахъ кромсая ткань воспоминаній,
Немногимъ данныхъ — меньше, чѣмъ двоимъ.

Что жъ, нынѣ въ путь. И, стоя на площадкѣ,
У двери поѣзда, пронзающаго лѣсъ,
И стукъ колесъ, и запахъ дымно-сладкій,
И сны о счастіи *въ долинѣ чудной слезъ*
Возьму съ собою — хватитъ на заплатки
Прорѣхамъ памяти, въ которыхъ самъ исчезъ.

D Es C H.

Ангелъ низвергнутый (звукамъ открытый,
Ими колеблемый ...) въ сѣвера мглу,
Тѣнью змѣиною — не подъ копытомъ,
А надъ дрожащею мышью въ углу.

Былъ кавардакъ, каждый пробовалъ голосъ ...
Взмаху невѣдомой властной руки
Все покорилось. Какъ стрѣлы на полюсъ,
Въ мракъ устремилися птичьи полки.

Черныя полы безумныхъ евреевъ,
Лица какъ мѣлъ, локти, сгибы колѣнъ
Странно недвижны. Смычки лишь, звѣрѣя,
Струны терзаютъ. И страшенъ ихъ кренъ.

Адъ побѣждаетъ. Невидимый кто-то
Тѣнью вступаетъ въ пространство стиха.
Пляшутъ над бездной зловѣщія ноты,
Кольца змѣиныя D Es C H.

* * *

I.

Въ черномъ пальто человѣчекъ сутулый
Въ паркѣ одинъ. Какъ весною пахнуло!
Небо въ разрывахъ синѣй и синѣй.
Только молчанье всего сильнѣй.

Рѣчи, какъ капли по листьямъ, звучали,
Радости близки, далеки печали
Были. Но встали теперь за спиной
Странной, недвижной, безмолвной стѣной.

Такъ исчезаемъ неслышно. Темнѣетъ.
Вотъ лишь виднѣется точка въ аллеѣ.
Только о томъ, гдѣ теряется путь,
Намъ не узнать, не сказать, не вздохнуть.

II.

Жизнь прошла. Я не былъ счастливъ.
Многое завоевавъ,
Рву добытое на части —
Все слова, слова, слова ...
Но недвижна синева.

Стрѣлка кругъ свой обѣгаетъ.
Къ ней ли чувствовать вражду?
Есть ли Время — я не знаю,
Есть ли Смерть — и то не знаю,
Ничего не понимаю,
Только дѣтство вспоминаю
И оттуда зова жду.

Warum?

Сгущаются сумерки, воздухъ лепечетъ,
Что сонъ неглубокъ, за покровомъ его
Всѣ тайны такъ близки, сейчасъ, въ этотъ вечеръ
Узнаю навѣрно — зачѣмъ, отчего?

А тамъ, средь тѣней, этихъ первыхъ зеленыхъ
Листочковъ, приникшихъ къ суровой корѣ,
Шумѣть и желтѣть и летѣть обреченныхъ,
А прежде всѣ утра встрѣчать въ серебрѣ,

Мой тайный совѣтчикъ настойчиво шепчетъ,
Въ верхушкахъ деревьевъ сокрывшійся духъ,
Невнятицу милую, воздуха легче,
Надеждой встревоживъ открывшійся слухъ.

Наполнивъ волшебными звуками чащу,
Секретъ свой на сѣверъ уноситъ весна,
И нѣтъ разрѣшенья вопросамъ, звучащимъ
Надъ легкою дымкой нѣмецкаго сна.

* * *

Училъ онъ: «Отвернись къ стѣнѣ,
Глаза свои смежи,
Съ самимъ собой наединѣ
Яснѣе миражи —

Отполыхалъ недолгій жаръ,
Чернѣе тьма съ утра,
Кроваво-красный скрыла шаръ
Крысиная нора.

Сухая пашня лишена
Послѣдняго зерна,
И глохнетъ даже тишина,
И только смерть вѣрна.

Поэтъ! Проклятое жерло,
Разинувъ черный зѣвъ,
Пожретъ и дребедень Шарло
И твой святой напѣвъ».

Но тутъ его оборвала
Всемощная рука
И за собою увела —
Туда, за облака.

* * *

Маслиной зеленѣющей въ Твоемъ дому
Живу и радуюсь, на милость уповая.
Чѣмъ сильный хвалится? Себѣ лишь самому
Накличетъ гибель онъ. Вѣдь бездна гробовая
Разверзнется предъ нимъ. Падетъ онъ сокрушенъ,
Прочь изъ земли живыхъ исторгнется онъ съ корнемъ.
Не зло ли надъ добромъ и ложь надъ правдой онъ
Поставилъ дерзостно? Не дольнее ль надъ горнимъ?
И скажетъ праведный: Не въ Богѣ полагалъ
Свою онъ крѣпость, нѣтъ! — но въ множествѣ богатства,
Жилище онъ свое злодѣйствомъ укрѣплялъ,
Оттачивалъ языкъ въ искусствѣ святотатства.
То, что содѣлалъ Ты, я буду прославлять
Во вѣки вѣчные. На имя пресвятое,
На милость Господа я буду уповать.
И знаю я — они всегда со мною.

* * *

Какъ волной набѣгающей
Вдругъ пловца закачало.
Это взглядомъ сіяющимъ
Ты на мой отвѣчала.

Только счастье отхлынуло.
Муки — не перемелешь.
То, что было и минуло,
Возвращалось во снѣ лишь.

Тамъ заклятіе странное
Было неодолимо —
И, сирень безуханная,
Все глядѣла ты мимо.

Будто тайну хрустальную
Отъ меня охраняла —
Счастье первоначальное
Въ ладъ со смертью звучало.

* * *

Хоть годъ-другой иль только лишь мгновенье
Еще побыть бы на землѣ живыхъ.
Верни мнѣ душу въ струяхъ дождевыхъ.

Но если все жъ не выйдетъ мнѣ прощенья —
Сухой песокъ въ распущенной горсти
Чуть подержи и руку опусти.

* * *

Эти басенные, чужіе,
То туманные, то ледяные,
Осыпающіеся лѣса,
И невнятные, словно хмельные,
То какъ будто свои, то иные,
Незнакомые голоса —

Чьи? Древеснаго ли народа,
Или звѣзднаго хоровода,
Замерзающаго въ вышинѣ,
Все пророчатъ мнѣ злую свободу,
Безнадежную, какъ природа,
Затихающая въ глубинѣ.

* * *

Распутываю перепутья,
Шарахаюсь отъ химеръ.
Тутъ — почки на вербныхъ прутьяхъ,
Тамъ — хлѣбниковскій промѣръ.
Былъ берегъ совсѣмъ неухоженъ —
Такъ ... заросли ивняка
(На лѣсъ индейскій похожи).
И пахла мазутомъ рѣка.
Чахоточною весною
Травѣ кто расти велитъ
Зеленоватой каймою
Вдоль трещинъ гранитныхъ плитъ?
Потусторонніе токи
Текутъ съ бастіоновъ сырыхъ.
Я выросъ вблизи протоки
Повѣшенныхъ пятерыхъ.
Вѣтеръ фонарь качаетъ,
Мостъ деревянный скрипитъ.
Чу!.. Висѣлица отвѣчаетъ.
Въ облакѣ ангелъ спитъ.

* * *

Когда узнаю — *что* это было,
Зайду за холмъ.
Слова поблекли, и рѣчь постыла.
Невѣрья полнъ.

Коль будет время — не время вовсе,
Зачѣмъ въ немъ пѣсни?
Гадай, не вѣдай. Всю жизнь готовься.
Умри. Воскресни.

Ни съ чѣмъ останется тьма ночная.
Дѣло простое.
Спроси березу. Она ль не знаетъ,
Во полѣ стоя?

Къ корѣ приникну. Какъ все рѣшится?
Сомнѣньемъ мучимъ.
Какъ будто шепчетъ: все, все свершится
Велѣньемъ щучьимъ.

* * *

Языкъ ихъ изощренъ. Язвительное слово
Ужъ съ устъ ихъ сорвалось и поразить готово.
А праведный стоитъ, открытый всѣмъ вѣтрамъ,
И вьются вкругъ него и тайный ищутъ срамъ.
Укрой меня, Господь. Услышь мои молитвы.
Спаси и сохрани отъ низкой ихъ ловитвы.
До жизни внутренней, до сердца глубины
Изыскиваютъ путь. Падутъ, уязвлены
Своимъ же языкомъ, нечистымъ и лукавымъ.
Постигнетъ дерзостныхъ Твоя, Господь, расправа.
И убоятся всѣ, увидѣвъ Божій гнѣвъ,
И возвѣстятъ о немъ, Твой судъ уразумѣвъ.

* * *

Послѣдніе гроши — и все ей на потребу ...
Немного старыхъ сновъ, совсѣмъ немного неба,
Лишь маленькій клочокъ съ трепещущей звѣздой.
Ночь вѣтрена, влажна ... О Геба, Геба, Геба,
Твой кубокъ наклоненъ. Онъ мертвою водой
Наполненъ до краевъ. Ревнивая безстрастна —
Гдѣ мyріады рукъ вздымалися напрасно,
Безмолвствуетъ лѣсовъ обугленный органъ.
А небо навсегда, не измѣняясь, ясно.
И нѣтъ въ немъ ни звѣзды. Лишь мѣсяцъ — ятаганъ.

* * *

«Часъ отъ часу пустѣе свѣтъ.
Пустѣй дорога передъ нами».
Все отчужденнѣй блѣдный свѣтъ
На западѣ, за облаками.

Послѣдняя свобода. Такъ.
А все тоска не отпускаетъ.
И въ сердцѣ выспренній дуракъ
Молчитъ и кровью истекаетъ.

* * *

Отъ западныхъ морей до самыхъ вратъ восточныхъ
Немного мудрецовъ средь благъ прямыхъ и прочныхъ
Умѣютъ различить хамелеона зла.
Сомнительный мудрецъ, я не изъ ихъ числа.
Подъ сводами небесъ ступаю я безъ страха.
Не все на свѣтѣ намъ отрава или плаха.
А что до старости ... Закатъ надъ моремъ алъ.
И не переведенъ остался Ювеналъ.

* * *

Ужасный рыкъ безумно-гулкій
Наполнилъ страшнымъ старый садъ,
И, содрогаясь, въ переулки
Бѣжитъ прохожій наугадъ.
Все тотъ же звукъ ему вдогонку,
Онъ скрыться радъ, и ахъ какъ звонко
Хохочетъ вслѣдъ — каналья пьянъ! —
Съ забора племя обезьянъ.
Бродя по Кронверкскому парку,
Въ ночи глухой слыхали ль вы,
Какъ горестно вздыхаютъ львы
Въ темницѣ о саваннѣ жаркой?
Снаружи звякаютъ ключи.
Молчи, душа моя, молчи!

Футболъ въ Кембриджѣ.

Я узнаю и мостъ надъ узкимъ Кэмомъ,
И вишню, всю въ цвѣту, въ нагомъ еще саду.
Здѣсь духъ нѣмый и ясная поэма
Сосѣдствуютъ въ таинственномъ ладу.

Какъ солнце плачетъ надъ своей неволей!
И все твердитъ: о нѣтъ, не насмотрюсь.
И мячъ, взмывая ввысь надъ дальнимъ полемъ,
Какъ будто вторитъ: нѣтъ, не опущусь.

И теплый воздухъ свѣтлымъ покрываломъ
Окуталъ шпили, птицъ, окрестныя поля ...
Угрюмо, равнодушно, шестипало
Поймала мячъ холодная земля.

Фонтанъ «Пирамида» (Петергофъ).

Въ аллеяхъ тѣнь и свѣтъ,
А здѣсь лишь только свѣтъ.
Какъ дышащій хрусталь,
Фонтанъ пирамидальный.
Ему и горя нѣтъ,
Ему и смерти нѣтъ —
Сладкорѣчивый враль,
Отъ вѣка безпечальный.

Вода себѣ течетъ,
А время не течетъ,
Заслушалось ... Но вдругъ
Сынъ засмѣялся звонко.
Опять все тотъ же четъ!
Всегда все тотъ же четъ!
Потокъ, окончивъ кругъ,
Уходитъ въ тьму, въ воронку.

Вотъ — нелегко забыть,
А надо все забыть.
Чтобъ справиться ты могъ
Съ водоворотомъ адскимъ,
Тверди: легко не быть,
Да, такъ легко не быть,
Растаешь, какъ дымокъ
Надъ берегомъ кронштадтскимъ.

* * *

Ты слѣдъ запуталъ, превзойдя лисицъ,
Безсильнымъ словомъ память безпокоя.
Здѣсь, близко ... Въ сотый разъ рукою
Коснись потрепанныхъ страницъ.
Рѣсницъ. Зарницъ. Сіяньемъ лицъ
Живыхъ ... и смертныхъ думъ рѣкою
Влекомъ, забудешься, шагнешь за пелену,
Гдѣ музыка твоя измаялась въ плѣну.

Крымъ.

Вода имѣетъ вкусъ, и цвѣтъ, и запахъ.
И берегъ мнетъ ее въ скалистыхъ лапахъ.
И свѣжій вѣтеръ кѵпарисъ согнуть не можетъ —
Качаетъ только. И луну качаетъ тоже.

* * *

Горныя травы по поясъ.
День ужъ погасъ. Отдохни.
Все пережив, успокоясь,
Дальніе свѣтятъ огни.

Гдѣ-то въ звучащемъ пространствѣ
Тихій намъ пролитъ свѣтъ —
Вѣрный залогъ постоянства
Этихъ и будущихъ лѣтъ.

* * *

Какъ мvріады череповъ —
Сухія листья.
Чешуйки крылъ, обрывки сновъ,
Глазницы, кисти.

Какъ будто кровью плачетъ кленъ,
Но безъ мученья,
И воздухъ неодушевленъ,
И въ немъ — свѣченье.

И пусть онъ холоденъ и пустъ,
Есть въ смерти прелесть.
И все слышнѣе странный хрустъ,
Зловѣщій шелестъ.

ПЕТЕРБУРГЪ.

I.

Знаменитая игла
(Холодъ въ вышнихъ, вѣрно, лютъ)
Вся блеститъ. Луна свѣтла.
Души въ воздухѣ снуютъ.

Похоронена во льду,
Спитъ рѣка. Вдали умолкъ
Шумъ трамвая. Я иду-у!
Вѣтеръ воетъ или волкъ?

А! теперь ты построжѣлъ,
Грязно-желтый городокъ.
Знаешь, ты похорошѣлъ,
Знаешь, дай лишь только срокъ ...

Нѣтъ! окончена судьба.
Поищи другой пріютъ.
Ночь темна. Молчатъ гроба.
Души въ воздухѣ снуютъ.

II.

О Западъ, вѣтеръ, тихо вѣющій
О недоступныхъ миражахъ,
Высокихъ шпиляхъ розовѣющихъ,
Вечернемъ солнцѣ въ витражахъ,

О корабляхъ въ Гаагской гавани,
Да мало ли еще о чемъ, —
Спятъ непробудно въ снѣжномъ саванѣ
Въ обнимку жертва съ палачомъ.

И все же расширяй проталину,
Пусть непролазна будетъ грязь,
Играй, крѣпчая, на развалинахъ,
Какъ хочешь, плача иль смѣясь.

III.

Вѣтры восточные съ озера Бѣлаго,
Изъ-за Урала и Новой Земли
Въ городъ ворвались и вмигъ, оробѣлаго,
Снѣгомъ колючимъ его замели.

Это надолго. Зима неуступчива.
Что, европеецъ, какъ будто притихъ?
Это Россія, Россія по Тютчеву,
Дѣла ей мало до бредней твоихъ.

Городъ завылъ колоннадами-лютнями,
А надъ рѣкой уже стелется паръ.
Что, не продрогъ ты? Покойно ль? Уютно ли?
Ну-ка къ стѣнѣ обернись, Валтасаръ!

Воздуха нѣтъ обожженому легкому,
Пальцы въ перчаточкахъ вродѣ колодъ.
Думалъ прожить по-парижски, по-легкому?
Крабомъ вмороженъ въ сіяющій ледъ.

Седьмое мая.

Я помню ночь въ земномъ раю,
Индійскихъ лилій шепотъ сладкій,
И смерть, и жизнь забывъ свою,
Я легъ у камня, безъ палатки.

Подъ шумъ потока, въ полуснѣ,
Усталый, шалый отъ блаженства,
Я грезилъ о прошедшемъ днѣ,
Забывъ его несовершенство.

Шли яки, колокольчикъ пѣлъ,
Латунный — глухо, мѣдный — звонко,
Круглоголовъ и полнотѣлъ,
За ними лама велъ козленка.

Но что-то оборвалось вдругъ.
Паденье, мракъ, опять паденье.
И не поднять свинцовыхъ рукъ,
И страшно камня приближенье.

Назавтра все я повторялъ,
Не понимая, что же значитъ
Строка святая: «Просіялъ
И плачетъ, уходя, и плачетъ ...»

* * *

Смеркается. Въ сыромъ предмѣстьѣ ада,
Замедливъ шагъ, отыскиваю путь.
А! все равно, вонъ тропка вдоль ограды,
Сперва по ней, а тамъ ужъ какъ-нибудь ...
Все полыхаетъ. Послѣ снѣгопада
Взыграло солнце. Глазъ не разомкнуть.

Изъ-подъ рѣсницъ, въ слезинкѣ преломленный,
Прорвался лучъ, разсыпался, и свѣтъ
Теперь внутри. Прозрачный, просвѣтленный,
Я невѣсомъ, я счастливъ ... Только нѣтъ —
Все помутнѣло. Гдѣ я? Нерожденный
Себя не сыщетъ. Кто онъ, безъ примѣтъ?

На мигъ одинъ отпущенный тюрьмою
За поле мертвое, лежащее въ снѣгу,
Въ ночномъ саду, кругомъ стѣсненномъ тьмою,
На вѣтреномъ цвѣтущемъ берегу,
Я милостью ея глухонѣмою
Дышу и надышаться не могу.

* * *

И Иванъ, и Лука, и Матвѣй —
Безъ просвѣта, навѣкъ, безнадежно.
Въ глубину, въ глухоту, все мертвѣй,
И иное уже невозможно.

И Матвѣй, и Лука, и Иванъ —
Такъ, вышагивая осторожно,
Заблудился во тьмѣ караванъ,
И иное уже невозможно.

И Матвѣй, и Иванъ, и Лука:
И легко, и немного тревожно,
Вѣтеръ, ночь, шорохъ крылъ, облака,
И иное уже невозможно.

KV 421.

... il me semblait que j'etais moi-meme
ce dont parlait l'ouvrage: une eglise,
un quatuor, ...

То облачко набѣгающее,
То алый водоворотъ.
Пусть лучъ, въ темнотѣ догорающій,
Въ низахъ у альта замретъ,

И съ граціей угловатою
Засвѣтится менуэтъ,
Распахнутою, крылатою
Мечтою, которой нѣтъ.

Въ негорестномъ разставаніи
Какъ листъ послѣдній кружимъ,
Какъ дальнее воспоминаніе,
Невѣдомъ, непостижимъ,

Погаснешь и вспыхнешь заново,
Разгадки не утая —
Вселенная Магелланова,
Я знаю: ты — это я.

ПАСКАЛЕВЫ ЗАБОТЫ.

(2002—2018.)

* * *

Et lux perpetua luceat eis.

Все слѣпѣй, суевѣрнѣй
Я твержу, самъ не свой:
Свѣтъ — еще не вечернiй,
Золотистый, живой ...

Молъ, и за переваломъ
Вновь гряда за грядой,
Валъ вскипаетъ за валомъ,
Возмужалый, сѣдой ...

Плотно сомкнуты вѣки,
Давнiй отсвѣтъ храня.
Въ этой тьмѣ я — навѣки.
Не молись за меня.

* * *

Мнѣ снилась веселая дума ...

... an und für sich sollte in jeder Musik etwas Frühling zu finden sein.

R. Schumann.

Подъ вѣтромъ слегка зарябило,
И льдины поплылъ континентъ.
На звонницѣ полдень пробило,
Прищурился «Рокуэллъ Кентъ».

Расплавленнымъ айсбергомъ свѣта
Придавленъ любитель кладбищъ.
Пусть пѣсенка вродѣ и спѣта,
Пусть онъ равнодушенъ и нищъ,

Въ обѣихъ стихіяхъ — свѣченье,
И съ Оттавой слилъ Сенъ-Лоранъ[*)]
Безбрежное свѣтотеченье
Намъ въ дѣтствѣ приснившихся странъ.

Я думалъ: придетъ постепенно,
Привычна, пуста и скушна.
Немедленно и несомнѣнно
Повсюду вдругъ стала слышна.

Умѣлыя или плохія,
Всѣ рѵѳмы — ошметки старья.
Признаю лишь то за стихи я,
Въ чемъ отзвукъ найдется ея.

[*)] Рѣка Св. Лаврентія.

Тургеневъ зимней ночью.

Я не видалъ Венеціи въ апрѣлѣ,
Теперь уже и не для чего мнѣ.
Я и вонъ тотъ — мы оба постарѣли,
Намъ вкуса нѣтъ въ чужой ея веснѣ.

Въ глухой ночи, уже на самомъ днѣ
Декабрьской тьмы, подъ трубный вой мятели,
Живымъ огнемъ вдругъ вспыхнувъ, заблестѣли
Дворцы ея, плывя ко мнѣ во снѣ.

Проснулся я: онъ правъ, зачѣмъ такъ скоро?
Совсѣмъ вблизи чуть колыхнулась сѣть.
Такъ ясенъ свѣтъ, а надо умереть.

Но отзвуки другого разговора
Мой ловитъ слухъ .... — въ ночи не пропадетъ,
И въ темнотѣ гнѣздо свое найдетъ.

F. J. H.

Стремительныхъ штриховъ разлетъ и затуханья
Внезапныя, какъ смерть, и птичьихъ нотъ хаосъ
Вдругъ вызволятъ давно забытое дыханье
Проталинъ мартовскихъ и луга въ сѣнокосъ.

Печаль всея земли съ веселостью нѣмецкой
Чуть угловатою, въ тяжелыхъ башмакахъ,
Опрятность мастера съ довѣрчивостью дѣтской, —
Все это тутъ. И жизнь — жива въ его рукахъ.

Я загадать хочу. Пускай же въ день послѣдній
Сыграть полста и двѣ достанетъ только силъ.
И пусть себѣ она помается въ передней.
Пусть подождетъ — ее я въ гости не просилъ.

ТРИ СТИХОТВОРЕНІЯ СЪ ФРАНЦУЗСКИМИ ЭПИГРАФАМИ.

I.

En ma Fin gît mon Commencement...

Еще она не зазвучала,
Но вся уже здѣсь — цѣликомъ:
Въ концѣ ея живо начало,
А *ma* съ ней — все время, тайкомъ.

И юношей, и старикомъ
Съ обѣихъ сторонъ перевала
Все ждешь, а она ни о комъ
Изъ нихъ-то и не горевала.

Онъ чувствовалъ близость ея
И зналъ про себя, что — далеко.
Гадай не гадай, и твоя

Сюда не прорвется до срока,
И эти слова — лишь морока
Уставшаго ждать бытія.

II.

Au coquin de sort

Подожди, не уходи,
Хоть помедли у порога.
Будетъ! И того ужъ много,
Путь немалый впереди.

Береди не береди:
Все — длинноты эпилога,
А стихи — лишь родъ подлога:
Нѣтъ тебя — дыра въ груди!

Оставайся вродѣ флейты,
Обращай собой въ елей ты
Трансцендентность сквозняка!

Только перебить сумѣй ты
Крови вкусъ у мундштука!
Засвищу навѣрняка!

III.

... sans savoir qui l'y a mis

Въ пугающее логово
Могущаго Ферзя
Съ холма — еще пологаго —
Примѣтнѣе скользя,

Признайся: Богу — Богово.
Смиренно, не дерзя,
Проговори, что многаго
Узнать тебѣ нельзя.

Откуда ты и кто ты?
Куда? Зачѣмъ? Къ чему? ...
Молъ, никакой охоты:

Изъ тьмы — пролетомъ въ тьму,
Паскалевы заботы,
Постылыя уму.

* * *

Пускай иные колобродятъ,
Пройдутъ они, какъ все проходитъ,
И время не облагородитъ
Уловокъ смерти шельмовскихъ.

И что мнѣ въ эту ночь до нихъ?
Ихъ шумъ — ничто, онъ тутъ же стихъ;
Я повторяю лучшій стихъ:
И радуги на снѣгъ наводятъ.

Декабрьской ночи злое дно
Мнѣ позабыть не суждено.
Пусть память мечется кругами!

Въ ней — жесткій Петербургскій снѣгъ,
Холодныхъ санокъ скользкій бѣгъ
И блестки радугъ подъ ногами.

* * *

Пусть праздничная ночь — тревожна и безсонна,
Пусть черный мракъ вокругъ, и холодъ, и мятель ...
Утихомирится! По бѣлизнѣ виссона
Пройдетъ трехъ лучиковъ златая канитель.

И блеску ихъ расти — упорно, неуклонно
До самаго конца двухъ святочныхъ недѣль,
Когда крещенская вберетъ въ себя купель
Богоявленское сіянье небосклона.

Тогда безъ умолку безумствуетъ пѣтухъ,
И ни одинъ на свѣтъ не выйдетъ злобный духъ,
И вѣдьмы власть свою волшебную теряютъ,

Безсильныя, вдали зарницами ширяютъ,
Когда премудрый волхвъ и съ нимъ простецъ-пастухъ
Таинственный вертепъ тихонько отворяютъ.

* * *

Тамъ, надъ пламенной Кальдерой,
Всесожженіе тѣней
Не спасенныхъ, ставшихъ сѣрой
до новозавѣтныхъ дней.

Видишь, тамъ, у края дымки, —
Вродѣ да, а вродѣ нѣтъ:
Промелькъ, промахъ невидимки,
Тѣнь? Фигура? Силуэтъ?

Мигъ оптическихъ обмановъ,
Шипъ кровавый? Рдяный листъ?
Легіонъ — слѣпыхъ Ивановъ,
Лишь одинъ — евангелистъ!

Черезъ марево надъ степью
Ввысь — отъ выжженной травы
Къ жгучему великолѣпью
Леденящей синевы.

* * *

Въ ладоняхъ — лавы черный скрупулъ,
Синѣе неба — синій куполъ.

И дверь у церковки открыта,
Синь отъ порога и до Крита.

Но сколько бъ ни противоречилъ,
Съ купелью неразлученъ кречелъ.

* * *

Сквозь поникшія ивы,
Сквозь горящіе клены,
Въ свѣтлый сумракъ разлива
Шаръ спустился каленый.

И услышалъ я — гдѣ-то,
Тѣнью, отблескомъ, духомъ,
Какъ не съ этого свѣта,
Можетъ, внутреннимъ слухомъ,

Можетъ, только усталость,
Раздраженье, простуда,
Только — самая малость,
Вѣтерокъ ниоткуда.

Отвори, отвори же,
Не отворишь — навѣчно.
Никого — тебѣ ближе,
Темнота — безконечна.

* * *

Изъ свѣжести ночного дуновенья
Рождаются твои прикосновенья.
Потухшаго костра прозрачный дымъ
Мнѣ кажется присутствіемъ твоимъ.

Знакомый сонъ, безжалостно разъятый
На слабый свѣтъ, струеніе волосъ,
Вкусъ губъ твоихъ слегка солоноватый,
И легкій стыдъ отъ этихъ дѣтскихъ слезъ.

* * *

... платить тебѣ признательную дань.

Изъ тьмы ночной летя, какъ манна
Изъ тьмы перепелиныхъ крылъ,
Онъ въ срокъ положенный нежданно
Украдкой явной міръ покрылъ.

Поземка стихла. Ночь туманна.
Не знаю, будетъ ли унылъ
Знакомый видъ, иль первозданно
Заблещетъ вдругъ ... Но я забылъ,

О чемъ, проснувшись, сразу вспомню,
Какой провалъ въ каменоломню
Въ послѣднемъ снѣ подъ утро ждетъ,

Съ какою мыслью неизбѣжной
День первый породнился снѣжный,
Чего страшась — душа поетъ.

* * *

deutlich hervortretend.
A. B.

Надъ огненнымъ моремъ тревоги
Поднялся отчетливый зовъ,
Волнуются мѣдные роги
Надъ рокотомъ струнныхъ низовъ.

Все пуще безумѣютъ горны,
И горе горѣ говоритъ,
И солнце затмится покорно,
Четвертая лишь вострубитъ.

И медленно съежится время,
Во тьмѣ содрогнутся міры,
И смертное двигнется бремя
Въ началѣ могучей игры.

* * *

Происходило то,
что называется фугой.

Іона въ декабрьскомъ чревѣ,
О какъ я боюсь этихъ дней:
Чѣмъ тьма за порогомъ чернѣй,
Тѣмъ невмы труднѣе въ распѣвѣ.

Все выше съ волны на волну ...
Проклятая все непрогляднѣй,
А холодъ еще безпощаднѣй ...
Валяй, моя музыка! Ну!

Глазницы пусты, остроскула
Она сторожитъ за окномъ.
Вотъ маска за мерзлымъ стекломъ
Отпрянула, снова прильнула.

Какъ въ точку сужается кругъ,
Уходитъ въ воронку сознанье.
Кончается существованье
Въ сложнѣйшей изъ мыслимыхъ фугъ.

* * *

Снова дорога. И съ силой магической ...

Сорокъ ужъ лѣтъ, какъ услышалъ впервые
Та-та-та ти-та-та въ дѣтскомъ восторгѣ.
Вѣчной той пѣсенки блестки живыя,
Стуки колесъ и струи дождевыя,
Версты степныя и версты лѣсныя
Всѣ въ мелочномъ были спущены торгѣ.

Нынче средь ночи предзимней, безсонной
Слышу, какъ тянутъ тяжелый въ Торонто,
Ти-та-та та-та-та молотъ стотонный
Бьетъ въ перепонку изъ тьмы заоконной,
Лежа, считаю, какъ умалишенный,
Стыки желѣзныхъ мостовъ Ахеронта.

* * *

Для убѣжденныхъ убѣжденья ...

Сказалъ я съ вѣрой охладѣлою:
«Тамъ ничего въ поминѣ нѣтъ.
Въ той тьмѣ я былъ минуту цѣлую,
И — помню, — выходя на свѣтъ,

Ну хоть какихъ-нибудь примѣтъ
Искалъ съ душой оцѣпенѣлою,
Вперяясь взглядомъ въ нѣчто бѣлое
(совсѣмъ обыденный предметъ)».

Но ты отвѣтила: «Вотъ глупости!
Такимъ, какъ ты, — легко отчаяться:
Сухарь ты — съ головы до пятъ,

Сомнѣнія твои — отъ скупости,
А души въ той ночи, случается,
Тысячелѣтіями спятъ».

* * *

Блеститъ ротонда бѣлой костью лобной,
Ужасенъ колобовскій домъ*).
Все снится мнѣ, что нѣкоею злобной
Къ нему я силою влекомъ.

Какая тѣнь надъ городомъ сгустилась!
Какъ кровью небосклонъ набухъ!
Идти? Сейчасъ? Такъ, значитъ, не простилось?
Нѣмый меня заждался духъ?

Пугай другихъ, костлявый, новосельемъ!
Не выдастъ Богъ — свинья не съѣстъ.
Умѣю я во тьму входить съ весельемъ,
Подумаешь, — до крайнихъ звѣздъ!

*) На углу Матвѣевской и Пушкарскаго переулка.

* * *

Знаете, какъ я разочаровался въ вѣчности? Это было дорогой, въ дилижансѣ, — сидѣлъ я, сидѣлъ, осмотрѣлся и подумалъ: неужто всѣ они могутъ имѣть претензіи на вѣчную жизнь!

(слова Тургенева.)

Терпѣнія нѣтъ для пасьянса.
Квинтетъ? или снова квартетъ?
Согласны его диссонансы,
Что въ мірѣ гармоніи нѣтъ.

Придуманно-мертвенны стансы,
И чѣмъ геніальнѣй кларнетъ
Въ А-дурѣ свиваетъ романсы,
Тѣмъ тягостнѣй нашъ tête-à-tête:

Ты — хрупкость и блѣдность фаянса,
Ты — сумрачный краденый свѣтъ,
А я — самъ себѣ Санчо Панса,

Комокъ безъ души и примѣтъ,
Какъ тѣ, изъ того дилижанса,
Да этотъ дурацкій сонетъ.

Le Rappel des Oiseaux.

Эти тревожныя трели — откуда?
Гдѣ ты очнулся отъ небытія?
Жизни ль древесной дремучее чудо?
Трепетъ травы на тропѣ муравья?

Тяжесть отвалена трехвѣковая,
Смертное больше не давитъ ярмо,
Снова подъ пальцами дышитъ живая
Птица-душа человѣка Рамо.

* * *

Что лондонскіе мнѣ безъ роздыха
Безкрыломрачные ряды?
Въ нихъ какъ-то слишкомъ мало воздуха,
Все строго, безъ белиберды.

Что эта дура монпарнасская?
Прямой баранъ баронъ Османъ?
Я брежу Хлодвиговой сказкою,
А Прустовъ скушенъ мнѣ романъ.

Но италійскіе, летающіе,
Лѣвобережные дворцы,
Въ вечерній часъ, въ апрѣлѣ, тающіе
Обшарпанные гордецы ...

Пойдутъ зіянія, стяженія,
И въ небо, въ розсыпь — кто куда.
Одни лишь только отраженія
Качаетъ невская вода.

* * *

Д.

Божій — ранью снѣжною, къ ночи — безпризорный,
Вновь Москвой становится Китежъ иллюзорный.

Залила всѣ улицы талая вода,
Въ тѣснотѣ безликая мечется орда.

И въ промозглыхъ сумеркахъ жмемся мы другъ къ другу,
Все по чьей-то милости ходимъ мы по кругу.

Ты мнѣ провожатая, я твой поводырь,
Красный, Новодѣвичій, ищемъ монастырь.

Тамъ въ церквахъ натоплено, а дорожки — бѣлы,
Тополи подъ панциремъ — все необлетѣлы.

Обовьется кольцами городъ-душегубъ,
Отзовется холодомъ заболоцкій кубъ.

Все же свѣчки теплятся — малое, но пламя:
Теплая Наставница будетъ рядомъ съ нами.

Fuga del gatto.

О вяземскомъ что ли халатѣ,
Что въ дымъ превратить недосугъ,
О той ли, чей на циферблатѣ,
Домыканъ, смыкается кругъ,

О — коль ужъ цитата къ цитатѣ
Безполой, безлюбой самъ-другъ?
Да нѣтъ, я о кошкѣ Скарлатти!
На тему славнѣйшей изъ фугъ!

Шальною и вкрадчивой лапой
По клавіатурѣ пройдясь,
Случайно мой слухъ оцарапай,

Какъ любишь ты: вразъ, не спросясь,
И я уже пойманъ, какъ язь
На голый крючокъ, на арапа.

* * *

Какъ ни стянешь — високосно,
Губы — сохлая полынь.
Черный снопъ молніеносно
Распусти и перекинь.

Въ черномъ небѣ висожары,
Черная блеститъ волна.
Мигъ — душа въ кольцѣ пожара.
Мигъ — она ужъ сожжена.

Шелестъ половецкой крови
Не смогу я заглушить.
Никогда моей любови
Не сумѣю утолить.

Знаю обоюдоострымъ
Лезвіе, что мнѣ грозитъ.
И, бушуя, mare nostrum
Разступилось и горитъ.

Снова ты — свѣтловолоса,
Надъ Элладой — та же синь.
И въ моихъ ладоняхъ косы
Ботичелльевыхъ богинь.

Значитъ, все же тайный голосъ
Тѣмъ сильнѣе, чѣмъ древнѣй,
И, ржаной, возстанетъ колосъ
Среди высохшихъ степей.

* * *

Свѣтъ неясный, явная прохлада,
День воскресный? Юность такъ легка?
Словно бы четвертая баллада
Зазвучала вдругъ издалека.

Чудится въ мерцаньѣ полусонномъ —
Все уже забылъ ты въ пятьдесятъ! —
Что въ раю осеннемъ заоконномъ
Яблоки любимыя висятъ.

Слыша, какъ стихаетъ подъ ферматой
Въ бѣломъ свѣтѣ тающій аккордъ,
Вспомнишь ты: осенній-полосатый!
Золотистый, самый вкусный сортъ.

За окномъ и вправду — садъ и поле,
Полосою стелется туманъ.
Въ тишину врастая поневолѣ,
Понимаешь: еле слышно — званъ.

Тихій голосъ въ хрупкомъ фа-минорѣ
О несрочной говорилъ веснѣ.
Но не тяжко было это горе.
И не страшно было въ этомъ снѣ ...

Утро хмуро, сѣетъ дождикъ рѣдкій,
Неуютенъ выстуженный домъ.
Но одно виситъ еще на вѣткѣ
Подъ вороньимъ брошеннымъ гнѣздомъ.

Hochwasser am Rhein.

Пора торопиться, январскія воды
Подходятъ ужъ къ самому дому поэта,
А въ книгѣ подъ лампой осталось три оды,
Но лучшая та, что въ началѣ пропѣта.

Потомокъ когда-нибудь благоговѣйно
Послѣднюю — бѣлую — тронетъ страницу,
И вспыхнетъ прозрачное Золото Рейна,
Прольется на землю, и все повторится:

Горацій, и зимнее то наводненье,
И даже за дверью — какъ будто синица,
И призракъ весенній, и стихотворенье,
Что тоже закончить пора торопиться.

* * *

Въ «Плеядѣ» прижизненный томикъ
И Папою Римскимъ побыть.
Несчастный рvѳмующій комикъ!
Тебѣ и брошюрки не сбыть.

Ну ладно, пускай — лишь бы знали
Стрѣльчатую и ... три ключа.
Любезный, въ такомъ-то обвалѣ
Въ умѣ ль ты, о томъ хлопоча?

Потомъ ... самъ-то ты дочиталъ ихъ?
Тотъ, третій ... Ахъ, нѣтъ, не хочу,
Унылыхъ пугать и усталыхъ
Я самъ хоть кого научу.

Строгинскіе меандры.

Тревожный сонъ, случайный кровъ,
Неясный шумъ, обрывки словъ,
Ночной ... немолчный ... гулъ валовъ ...
Хвалебный гvмнъ Отцу Міровъ!

Она! Теперь навѣрняка.
Вездѣ, во всемъ — Его рука.
Пусть за лукой еще лука.
Не затеряется строка.

26. 05. 2018.

* * *

Χάρων με ἔδακεν.

Обдумывалъ я Dankchoral,
Но вдругъ оскалился Харонъ.
Незапнымъ холодомъ пронзенъ,
Я малодушно возропталъ:

«Я — ничего я не узналъ,
Какъ будто чуть поплылъ перронъ,
А я все тамъ же, гдѣ Пvрронъ
Двухъ мыслей вмѣстѣ не собралъ».

Прошло. Отпуститъ — и забудь.
Не съѣстъ, не выдастъ, какъ-нибудь,
И былъ ты счастливъ раза три,

Пожалуй, что ни говори,
И, можетъ быть, ... еще чуть-чуть.
Благодари, благодари.

Безумье общее! И какъ ни уворачивайся ...
Но по льду перешелъ сегодня я Неву —
Какъ встарь, огни и мракъ!
Молчи, не оборачивайся,
Сколь лучше въ ветхомъ снѣ,
чѣмъ съ тѣми, наяву.

А. Т.

ВЕТХІЙ СОНЪ.

(2018–2025.)

* * *

Былъ въ туманомъ окутанной чащѣ
Голосъ внятный, хотя не звучащій,
Здѣсь, я здѣсь ... Слышишь? — сырость грибная,
А припомни — ни слова не зная,
Раньше, раньше — задолго до дѣтства,
Ни слѣда, а какъ будто наслѣдство,
Какъ безвидное воспоминанье —
И уже достовѣрное знанье.

M31.

Вотъ Альферацъ и вотъ Мирахъ,
— Слѣпецъ! — а облачка не вижу!
Я мнѣньемъ объ иныхъ мірахъ
Высотъ незнанья не унижу.

Ты говоришь: — тамъ просто склепъ,
Глухой и темный, безъ просвѣта.
Я тоже отъ рожденья слѣпъ —
Признанье стыдное поэта.

Но мнится все жъ полунамекъ,
Какъ будто тѣнь воспоминанья,
Мгновенный слабый огонекъ,
Боюсь сказать, что обѣщанье,

Глаза слезятся, я продрогъ,
Былой астрономъ ужъ не молодъ,
Вотъ Богъ ему и вотъ порогъ —
Сентябрьской ночи первый холодъ.

* * *

Послушай, красный, что уставился?
Поладить мы съ тобой могли бъ.
Сказать нельзя, чтобъ ты мнѣ нравился:
Мнѣ бъ Афродиту — не изъ Рыбъ.
Но мнѣ, похоже, нѣту выбора.
Куда тутъ противостоять?
Такихъ, какъ я, ужъ много выбыло —
Милльярдовъ этакъ сорокъ пять.
О да, намъ многое обѣщано,
Молъ, красный не возьметъ, шалишь.
Но если побѣжала трещина,
Итогомъ будетъ только шишъ.
И съ неизбывною тревогою
Жду нечетъ, ненавидя четъ.
Пусть съ самой малою, убогою —
Не разстается звѣздочетъ.

СМОЛЕНСКОЕ (I–IV).

I.

Осень — вотъ такъ новость! — хмура,
Сосчитай, кто впереди.
Ты — ровесникъ, дядя Юра,
«Обогналъ на полгруди».

Нѣмъ твой голосъ сипловатый,
Красный выцвѣлъ капюшонъ,
Между *нынче* и *когда-то*
Снѣгомъ путь запорошенъ.

Слѣпленные, помогите
Вспыхнуть ей: пускай живьемъ
Наново мы на Джигитѣ
По ножу пойдемъ вдвоемъ.

Темной, плачущею, вдовой,
Столько свѣта? Нѣтъ, черно.
Холодно въ корѣ ледовой,
Впрочемъ, это все равно.

II.

Плеснетъ тихонько гдѣ-то въ черной Летѣ,
Разсыплетъ лучъ хрустальная фасетка,
Приснится сонъ мнѣ о четвертом лѣтѣ ...
Компаніи, четырнадцатилѣтка,
Разсказываетъ дѣвочка-сосѣдка
Съ восторгомъ о Ромео и Джульеттѣ.
И — внизъ къ мосту, и — кубаремъ. Колѣнки
Разодраны, и, сдерживая ревъ,
Бреду къ тебѣ, безправной подселенкѣ,
Хромой швеѣ изъ локнинскихъ краевъ.
Какъ вкопанный — мой будущій треножникъ!
И уголъ нашъ — дворецъ почти царевъ,
Не нуженъ іодъ, сорви мнѣ подорожникъ!
Потуже бинтъ и въ нѣсколько слоевъ.
И вдругъ черно, ни отсвѣта, ни звука,
Мгновеніе струилась теплота.
— Нельзя назадъ, не ходятъ, тамъ излука.
Не плачь, молчи. Обнимешь — пустота.

III.

Sunt aliquid manes ...
Тамъ, въ ледяной лохнессъ ...
Высвободилась душа
И, облетѣть спѣша
Милыхъ ей, разомъ связь
Выправила, смѣясь.
Слышалъ, дивясь, глухой:
Мертвенный и сухой
Ходъ непостижныхъ нотъ
Высвѣченъ и живетъ!
Въ самый послѣдній мигъ —
Въ лѣвой: sF вскрикъ,
Въ самый послѣдній разъ
Издали — F и As.

IV.

Чтобъ не забыть: бесѣдуемъ о чемъ-то,
Пріязненный я слушаю отвѣтъ,
Вдругъ холодомъ пахнуло съ Ахеронта,
Какъ такъ? Вѣдь ты же умеръ, нѣтъ?

Заплакалъ горько, тѣломъ весь трясется,
И исчезаетъ въ лабѵринтѣ сна.
Ужели вправду нѣчто остается?
Случаясь, выдастъ глубина?

* * *

Когда, леденѣя, ...

Содвинули стулъ съ табуреткой,
Приставили коробъ пустой,
Отъ Нары знакомою вѣткой
Мы гонимъ товарный простой.

Навстрѣчу камазы и фуры,
Мы давимъ на всѣ рычаги,
Восторженны фіоритуры,
А ну, наподдай, помоги!

И страшно, что рано иль поздно
Закончится наша игра
И неотвратимо серьезно
Спрошу я: а спать не пора?

Проклятое знанье! Сильнѣе,
Чѣмъ счастье, жасминный хлорозъ.
Все жду я, когда, леденѣя,
Похожій разслышу вопросъ.

* * *

Молъ, ignorans, quem portum peto, ...
Да и знать не хочу, признаться.
И что значитъ такое лѣто:
Сразу то иль всего лишь это?
Не умѣю я догадаться.

Презабавная мышеловка
Та мыслишка — срамная дѣвка,
Заподозренная издѣвка,
Мол, чуть-чуть — и уже зимовка,
Что ты, въ сущности, однодневка ...

Здѣшній, суетный, сіюминутный —
Залпомъ, жадно, прильнувъ, подонки,
Что подулъ, тотъ и есть попутный,
А потерянный и безпріютный —
Развѣ въ выучку у поденки.

* * *

ты выигралъ игру.
Г. И.

Зачѣмъ задаешься? Тебѣ ль, безпрозванкѣ,
Крапивницѣ шалой въ апрѣльской крупѣ,
Подкидышу-крошкѣ въ бѣгущей толпѣ
Предъ смертью безстыдной, что жидъ въ вышиванкѣ,
Бездарной, какъ вальсикъ въ заѣвшей шарманкѣ, —
Удваивать ставки, пускаясь на пе?

Ну что ты болишь такъ? Въ удушливомъ дымѣ
Не сладко? Таковъ здѣсь любой переходъ,
И пѣсни старинной новѣйшій изводъ
Рѣшенья не выдастъ устами твоими.
Коль тамъ ты опомнишься, вспомнишь и имя, —
Чугуненъ и чиненъ обычный чередъ.

* * *

Наполнилась, устала и пуста,
Соблазнами Великаго Поста.
Душна ей, знать, обыденная клѣть,
Коль стала душной злобой тяжелѣть.
Гдѣ хуже этихъ развѣ только тѣ
Роятся разны, воя въ темнотѣ.
Противостать выпрашиваешь силъ,
Да больно густо темный намѣсилъ.
И снится сонъ, что вдребезги скудель,
Не вытерпѣвъ еще пяти недѣль.

* * *

Считая тѣни на погостѣ,
Припомни радугу въ Аостѣ.
Из мрака Ветхаго Завѣта
Какая высь и сколько свѣта!
Смѣялся встрѣченный бамбино —
Забытый домъ, а не чужбина.
И, значитъ, вправду нерушимо.
И можно жить неустрашимо.

Исторія государства Россійскаго (отъ камешковъ до нашихъ дней).

Ну, Кліо-блюдолизка,
Продолжимъ (въ прахъ истертъ
Тотъ камешекъ, не склизко) ...
Ахъ, догадалъ же чортъ! —

Визжу, желтушно-грозный, —
О Муза, не молчи! ...
Лишь джентльменъ нервозный
Подался въ Кузьмичи,

Случился бунтъ буффоновъ,
Какъ Розановъ сказалъ,
Но Ники-Солдафоновъ
Картечь имъ прописалъ.

Вину они съ испуга
— Поди не перетрусь! —
Свалили другъ на друга,
И устояла Русь.

Искусства и науки
Внезапно процвѣли.
И всѣ башибузуки
Засѣли на мели.

Но рядъ примкнувши къ ряду —
Вновь морщатъ горизонтъ,
И царь нашъ выпилъ яду,
Отдавъ имъ русскій Понтъ.

Пришелъ Освободитель
И безъ рублей и жерлъ
Вернулъ и, скинувъ китель,
Принялся за bingerle.

Раздувшись отъ апломбу,
Безсиленъ и нечистъ,
Въ него швыряетъ бомбу
Прыщавый нигилистъ.

Но на Руси не голо,
Еще въ достаткѣ силъ.
Немалый грузъ Паоло
На битюга взвалилъ.

Не хлюпикъ за штурваломъ,
И врагъ совсѣмъ зачахъ,
Увидѣвъ, какъ стоялъ онъ
Съ вагономъ на плечахъ.

Красавецъ въ бородищѣ!
«Люблю, когда ихъ бьютъ», —
И фляжку въ голенищѣ
Одобрилъ русскій людъ.

Межъ нѣмца и француза
Сынъ ищетъ амплуа.
Опасная обуза
Pont Alexandre III.

Ввязались сдуру въ драку,
Въ отместку кочегаръ
Пустилъ такого мраку,
Что ... лучше бы татаръ.

Въ савѣцкой сѵнагогѣ
Сто непотребныхъ лѣтъ
Мы провели въ итогѣ,
А рѵѳма та же: «Нѣтъ».

Опять межъ ровныхъ грядокъ
Неправильно гніемъ.
А міровой порядокъ
Горитъ вокругъ огнемъ.

(Нарѣзалъ сей салатикъ,
чтобъ подразнить гусей,
Лѣнивый математикъ,
Рабъ Божій Алексѣй.)

* * *

Amelette Ronsardelette

Что въ плошечкѣ на донышкѣ водичка,
Въ Алешечкѣ душонка-невеличка.

Хозяюшка, чья такъ нетяжка власть,
Идешь во тьму, и гаснетъ въ пальцахъ спичка,
Послѣдняя распустится петличка,
Послѣдняго глотка растаетъ сласть,
И ждетъ тебя зіяющая пасть.
Тамъ просто все, совсѣмъ безъ украшенья,
Нѣтъ зависти бездушныхъ никакой,
Нѣтъ чаянья иного воскресенья.

Иди себѣ знай мимо, безъ сомнѣнья,
Не нарушай, прохожій, мой покой.

* * *

Что, душа, ветха сорочица?
Все идетъ не такъ, какъ хочется,
Спросишь, пѵѳія-пророчица
Выгнется и расхохочется.
Умственной эквилибристикѣ
Не преодолѣть статистики,
Ахъ, какіе были мѵстики,
Ахъ, какъ были свѣжи листики ...

* * *

Черна отмерзшая земля,
И все еще стою надъ нею.
Я тяжести своей сильнѣе,
Хотя давно не тру-ля-ля.

Сначала были мысли странны,
Да вотъ сложились въ сотню дуль:
Тамъ тѣни молча чужестранны,
Какъ въ пѣсенкѣ про Ливерпуль.

Своихъ, пожалуй, не отыщешь,
Свою не разбирая рѣчь,
Что вѣтеръ, по ущельямъ свищешь,
Онъ не загадываетъ встрѣчъ.

* * *

Sat mea sit magno, si tres sint pompa libelli,
quos ego Persephonae maxima dona feram.
Prop. II. XIII.

Но сколько лишняго! Не нужны Персефонѣ
Чванливыя мои вериги полноты,
Наслушаешься тамъ: въ заѣвшемъ патефонѣ
Суть баньки свидригайловой черты.

А можетъ, и проститъ. Подаритъ тишиною
Той галльской осени или тибурскихъ виллъ,
Иль убаюкаетъ евфратскою волною, —
Вдругъ я ее не сильно прогнѣвилъ.

* * *

Vielleicht, vielleicht noch eh
An ihren Hufen
Das Eisen los wird,
Das ich blitzen sehe!

Бѣлымъ-бѣло во дворикѣ,
Юпитеръ какъ алмазъ,
Но пѣсенка изъ Мёрике
Сегодня въ самый разъ.

Желѣзными подковами
Пускай конекъ блеснетъ —
Глядишь, и цѣликовыми
Забытая плеснетъ.

Исполнитъ горькимъ оцетомъ
Послѣдній свѣтлый стихъ,
Да и растаетъ Моцартомъ
Въ селеніяхъ своихъ.

Содержаніе.

Отъ автора. 3

Надъ чернымъ зеркаломъ. 5
Паскалевы заботы. 111
Ветхій сонъ. 143

Литературно-художественное изданіе.
Серія «Поэтическая библіотека».

Алексѣй Юрьевичъ Кокотовъ.

СОБРАНІЕ СТИХОВЪ.
(Изъ трехъ книгъ, 1985–2025.)

Составъ редакціи:

Главный редакторъ: Павелъ Александровичъ Лукьяновъ.

Редакторъ: Артемій Ильичъ Ноготковъ.

Логотypъ издательства: Екатерина Антоновна Сафронова.

Макетъ обложки, верстка и допечатная подготовка:
Алексѣй Гайсъ.

Подписано въ печать 19.05.2025. Форматъ 60×84/16.
Гарнитура Петербургъ. Печать офсетъ.
Усл. печ. л. 10,5. Тиражъ 200 экз. Заказъ №

Издательство Ruinaissance,
ИП Лукьяновъ Павелъ Александровичъ,
ОГРН 324774600248952, ИНН 772708087983,
117209, г.Москва, Нахимовскій проспектъ домъ 27 корпусъ 5, квартира 616,
e-mail: karamora@mail.ru, web: https://t.me/Ruinaissance_Publisher

Отпечатано съ готовыхъ файловъ заказчика въ тypографіи «Амиритъ»,
ООО «Амиритъ», ИНН 6455063870, ОГРН 1156451010176,
410004, Саратовская Область, г. Саратовъ,
ул. им.Чернышевскаго Н.Г., зд. 88, стр. 1.

Le Rappel des Oiseaux.

Эти тревожныя трели — откуда?
Гдѣ ты очнулся отъ небытія?
Жизни ль древесной дремучее чудо?
Трепетъ травы на тропѣ муравья?

Тяжесть отвалена трехвѣковая,
Смертное больше не давитъ ярмо,
Снова подъ пальцами дышитъ живая
Птица-душа человѣка Рамо.

Ruinaissance_Publisher

ISBN 978-5-6053971-3-7
9 785605 397137